

СИБИРИАДА

ПЁТР
ПЕТРОВ



БОРЕЛЬ.
ЗОЛОТО

Сибириада

Петр Петров

Борель. Золото (сборник)

«ВЕЧЕ»

1931, 1934

Петров П. П.

Борель. Золото (сборник) / П. П. Петров — «ВЕЧЕ», 1931, 1934 — (Сибириада)

Петр Поликарпович Петров (1892–1941) – русский советский писатель, участник Гражданской войны в Сибири, председатель Объединенного совета Степно-Баджейской партизанской республики, заведующий агитотделом партизанской армии, главный редактор минусинской газеты «Соха и молот». В 1941 году по ложному обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации Петров был расстрелян. Роман «Борель» повествует о восстановлении золотоносного рудника в сибирской тайге. Только что закончилась Гражданская война. Разруха и запустение на далеком сибирском прииске, где орудуют мелкие хищники. Последнее оборудование растаскивается по винтику. Люди, лишённые любимого дела, спиваются и опускаются. Понимая, что без прииска поселок просто вымрет, за дело берутся молодой коммунист Василий Медведев и старый рабочий Евграф Сунцов... В романе «Золото» рассказывается история сибирского паренька Гурьяна, волею судьбы нашедшего в юности богатую золотоносную жилу на таежной речке и вернувшегося туда через десять лет в качестве директора большого прииска.

© Петров П. П., 1931, 1934

© ВЕЧЕ, 1931, 1934

Содержание

Борель	6
1	6
2	10
3	14
4	18
5	21
6	25
7	27
8	31
9	37
10	40
11	42
13	50
14	53
15	55
16	60
17	66
18	70
19	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Петр Петров

Борель. Золото

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Борель

1

С низины, от рек Пичунги и Удерки видно, как темными зигзагами протянулись лесистые горы, в пролеты гребней голубыми зубцами нависают клочья облаков. Верхушки гор стрелами выкинулись ввысь, к голубому безбрежному небу.

И небо и горы слились в одно, замыкая небольшую, набитую снегом долину.

По отложениям, по стремительным кручам густой щетиной засели кедрачи, сосняки, пихтаци и мелколесье. А внизу, на равнине, поросшей березняком и малинником, в беспорядочной скученности раскинулся заброшенный прииск Боровое.

На отвалах и среди рухляди когда-то богатейших построек торчат столетние извилистые, с густыми шапками хвои сосны. Сосны уцелели, видимо, потому, что не попали в полосу разрезов и негодились на дрова.

Посредине прииска разорванной цепью тянутся покосившиеся столбы, а с них, точно рваное лохмотье, треплется на ветру остатки почерневших тесниц, – это были тесовые желоба, по которым много лет текла из Удерки вода для промывки золотоносных песков.

Теперь и коновязи около огромных конюшен смотрят покривившимися скамейками: перекладины со столбов наполовину обрублены и истесаны на щепы для подтопок; местами они свалились на землю и сгнили.

Крыши низких казарм и когда-то красивых, с верандами и изразцами, домов провалились, как впадины хребтов.

В изогнутых береговых локтях золотоносной Удерки одинокими чучелами, полузанесенные снегом, стоят почерневшие от дождей две драги. Беспризорные, не отремонтированные с семнадцатого года, стоят сиротами механические чудовища тайги, и будто нет до них никому дела.

Боровое умерло в семнадцатом году – пышная жизнь последних хозяев с азиатским разгульным ухарством отшумела безвозвратно.

О том, что Боровое находится в руках тунгусников, Василий Медведев узнал еще на зимовьях, когда преодолевал почти двухсотверстный свой путь через тайгу. Он узнал, что хищники называли себя свободными золотничниками. Василию не верилось, что так опустились рабочие.

«Да неужели это так? – в сотый раз спрашивал он себя, лежа на нарах в квартире молодобойца Никиты Валкина. – Неужели прииск погиб ни за грош?»

Сквозь окно, затянутое брюшиной, на стену казармы пробивался слабый свет. Взгляд Василия упал на висевшие двумя дорожками камусные лыжи и спиртоносную баклагу.

«Неужели и Никита начал тунгусничать? Сволочи, разини».

Но тут же приходили другие думы:

«А чем же виноваты они, коли голод? На зимовье передавали, что и на руднике Баяхта все уцелевшие шахтеры занялись расхищением прииска. Вот от Никитки, черта, ничего толком не добился».

Он, содрогаясь, подогнул к животу озябшие ноги.

Никиту ночью полумертво-пьяного привезли на нартах из какой-то дальней казармы (лошадей на приисках не было), и баба его, Настя, бывшая скотница хозяев, много брякала языком, но ничего нельзя было понять, кто на приисках остался цел и почему они там с тунгусниками и спиртоносами.

Василий, вздрагивая от холода и тоски, снова повернулся на живот и вздохнул, зарываясь в какое-то тряпье, брошенное ему вчера Настей.

– Ах, пакостники! Ах, собачья отравка! А еще рабочие, земляная сила... Прошиби их каменной стрелой! Уехать обратно, пропади они все тут к черту, – бормотал он.

В другом углу, в куче шипучей осоки, закашлялся Никита, и слышно было, как потянулась Настя.

Рассвет сероватой струей просачивался сквозь мутные брюшинные окна. В щели простенков врывались звонкие струи ветра, наполняя казарму холодом.

– Ты чего там, комиссар, хрюкаешь? Встал, что ли? И не спал, кажись? – спросил Никита простуженным басом.

Василий вскочил. Черная куча его волос тенью зашевелилась на стене, а под сиденьем заскрипели нары. Никита тоже поднялся и, отыскивая трубку, толкнул Настю:

– Вставай, баптистка! Чего дрыхнешь? Ставь на печку котелок. У гостя-то, поди, в животе урчит. Мотри, уже солнце в бок упирает.

Небольшая женщина приподнялась с нары и шатко прошла к печи.

– А чем кормить-то будешь? Вчера все пролакал, язва болотная, – ворчала она. – Только и живем на твою бездонную глотку...

– Не мурмуль! Разживляй печку! – отозвался Никита, шаря по нарам огниво и трут.

Василий красными спросонья глазами смотрел в пол и будто только от слов Никиты очнулся.

– Никита! А кто из наших старых рабочих здесь остался? – спросил он, повертывая голову.

Никита положил трут на камень и стал высекать огонь. Отсыревшая губа не занималась, и он с раздражением начал ударять раз за разом, гоня сплошную ленту искр, пока не зажег.

– Из наших? Да кто?.. Рогожин, Пашка Вихлястый, Алешка Залетов, старик Качура, Ганька Курносый, да так человек десятка три-четыре наскребется.

– А из шахтеров здесь никого?

– Нет, они все на Баяхту утянулись... – и, затягиваясь «самосадкой», взглянул на Василия.

– Да, брат Васюха, порасшвыряла нас эта пеструшка. А жисть-то, жисть-то пришла! Посмотри – в гроб краше кладут.

Никита провел по провалинам щек шершавую, потрескавшейся рукой и засопел трубкой.

– Хотели на Ленские прииски, друг, а на вши, что ли, поднимешься отсюда. Когда партизанили, лучше братва жила, ей-бо! Там не знали, что будет, и ждали чего-то... а тут гнус заедает, и податься тебе некуда. Крышка, Вася, всему.

Голос Никиты задрожал еще сильнее и вдруг захлебнулся.

Около загудевшей печки не то от слез, не то от холода клокотала и вздрагивала Настя.

– Завоевали свободу своею собственной рукой, – хихикала она. – Рабочих поморили... Тунгусишки, как мухи на моху, коченеют. Вот, гляди, в каких ремотьях остались, – все проели.

Василий ежился от внутренней досады и напряженно молчал.

Никита надернул на босые ноги рыжие броднишки и подошел к нему вплотную. Его рубаха лоснилась от грязи и пестрела разноцветными заплатами, а одна штанина до самого полу была разорвана вдоль.

– Все тут! У всех такая хламида, Вася! За дровишками в мороз не в чем вылупиться из этого острога. Охоты нет. Соли два месяца не видим. Сухарей в неделю раз отламывается. Ребятишки передохли, а бабенки, как подсушенные селедки, житья от них нет. Снова на бога лезут с голодной-то утробой...

И, отойдя к печке, добавил:

– Зря, Васюха, зря! Неужто для того мы полили рабочей и партизанской кровью тайгу, чтобы гнусь там разная плодилась? А кто виноват? Куда денешься? В городе – там тоже людидохнут, и только, говорят, комиссары галифой трясут. Никудышная жистянка пришла. Зарез!

У Василия задрожали руки и искривилось измятое со сна лицо. Он приподнялся и схватил Никиту за костлявые плечи:

– Не каркай, моль! Не вы ли в двадцатом пропили, пролежали, протунгусничали прииски? Тюлени! Не сами ли вы вместе с каторжной шпаной гробили, потрошили свое добро? Революцию пролежали в казармах, а теперь пенять! Зря, говоришь, а что зря?

Настя кошкой соскочила с обрубка от печки, зафыркала, залилась частой пулеметной трескотней:

– Обдиралы! Богохульники! Комиссары над рабочим народом! За это и воевали? Недаром в писании сказано...

– Цыть, балалайка, трепушка! – рявкнул на нее Никита. – Чай грей, сестра паршивая... Сама гнидой засела здесь и меня прищемила. Начетчица ты плевая! Лихорадка крапивная!

Настя, давась слезами, отошла в угол.

Василий отпустил Никиту. Обида занозой шевельнулась в груди, а в глазах теплилось участие к судьбе старого товарища и раскаяние за внезапную непрошеную вспышку.

– Вороны вы полоротые – вот откуда вся оказия на вас свалилась. Знаешь, Никитка! Республика сколачивает золотой фонд, чтобы им разбить брюхо буржуйам в мировом масштабе, а вы – вместе с рвачами. Ах ты, Никитка, партизан, таежный волк... Захныкал! В два года захотел закончить всю кутерьму и оглушить голодуху, а сам блох разводишь.

Василий выпрямился и тряхнул всклокоченными волосами. В плечах и коленках у него хрустнуло. Он схватил Никиту за желтую бороду и уже легонько притянул к себе.

– Дурило! Пугало ты воронье! Овечкой оказался, когда надо быть волком. Будем драться до конца! Надо моль выкурить с прииска. К черту эту свору барахольную! Надо поднять прииск. Трудовой фронт, товарищи... Новая экономическая политика. Новые камешки закладываем.

Настя поставила на стол вскипевший котелок. Нудно, по-бабьи, скулила:

– Слышали мы орателей! Не в первый раз. До моря людей довели. Россея, говорят, вся выдохла. Люди и людей жрут. Зверье среди белого дня на человека охотится, а у нас все говорят, говорят...

Она накинула рваную, из мешочного холста ремуту на такое же платишко и за дверью запела:

Хвалите, хвалите, хвалите,
Хвалите Иисуса Христа.

– Вот видишь, опять закаркала, – сказал уныло Никита. – Серпом по горлу легче, чем слушать эту панафиду каждый день.

Настя вернулась с яйцами в подоле и кружком мороженого молока, а за нею ввалились приисковые бабы.

– Талан на майдан¹, – пробасила старая Качуриха, крестясь в пустой угол. Василию все они показались на один покррой: на бабах мешочные юбки – как надеты, так ни разу не мыты. Бабы смерили Василия глазами и почти враз хлопнули себя по коленям.

– Да ты чисто енарал, матушки мои! Штаны-то, штаны-то, а мундер – только епалетов не хватает, – язвительно хихикнула старуха.

– Да, кому как, – вздохнула Настя, – кто завоевал, а кто провоевал.

¹ Приветствие старых приискателей.

– А вырос-то до матки, почитай. Видно, там хлеба не наши! Своя рука – владыка, говорят!
– А вот потянуло сюда!

К нему вплотную подошла Качуриха и уставилась в лицо серыми мутными глазами.

– А отец-то, отец-то... А?

Старуха закашлялась и утерла глаза рукою.

Настя спускала в кипяток яйца.

– На могилу бы сходил, – сказала она, щупая Василия глазами. – Разрыта, размыта водою, поди, и косточки волки повыдирали. Али не любите вы могил родителей? У вас ведь все равно, что человек, что скотина: души не признаете, сказывают?

И уже незлобно улыбнулась.

– Не квакай! – снова осадил ее Никита.

Но Василий уже остыл. По-медвежьи схватил он в беремя старого товарища-молото-бойца и завертелся под хохот баб по казарме.

– Вот-то молодо-зелено, – смеялась Качуриха, как утка, крикая, – худому горе не вяжется...

Василий бросил Никиту и подошел к бабам.

– Эх ты, Качуриха, бубновая твоя голова! Заплесневели вы тут и мозгой рехнулись. Надо учитывать нашу пролетарскую обстановку, а не плевать себе на грудь, вот что, бабочки!

Он так хлопнул ладонями, что женщины вздрогнули, как от внезапного выстрела. И долго с разинутыми ртами слушали его.

Качуриха шевелила бледно-синими морщинистыми губами, а Настя колола его зелеными глазами. На бледном красивом лице ее выступили розовые лепестки.

И никто не узнавал в нем прежнего подростка-слесаренка, но с первого же разу почувствовали, что приехал он неспроста и привез что-то новое, освежающее.

– Эх, ты, зеленая малина! Баптистка! Ах, Настя, Настя! – внезапно загрохотал Василий на всю обширную казарму. Его низкий голос ударился о почернелые стены, шевеля ключьями паутин.

Старуха Качуриха задыхалась от кашля и смеха:

– Будь ты неладный! Вот, молодо-зелено. И скажи, какой голосино нагулял, как жеребец стоялый!

2

От казармы до казармы утоптаны, точно вымощены, узкие тропы. Тропы, как мелкие ручьи, идут дальше, к крайним длинным зданиям – бывшей конторе и хозяйским амбарам. От них желобом – дорога на рудник Баяхту и Алексеевский прииск. Дальше по прииску и в тайгу только одни лыжные да собачьи следы. Санные дороги рыхлы и занесены снегом.

«И по дрова никто не ездит. Вот же обленились и опустили до какой степени, варначьи души! Приисковые постройку дожигают».

Василий посмотрел от дверей на занесенный снегом прииск, на проломанные крыши, обтесанные стены и в гневе стиснул зубы. Напряженные мускулы дрожали и наливались, а в глазах стоял соловый туман. Вчерашнее чувство обиды и злобы вернулось, овладело мыслями. Сзади хрипло скрипнула дверь. Никита с открытой грудью робко остановился на пороге.

Солнце в дымчатом кругу выходило из-за темных верхушек гор. В лесу, тут же на задах, слышался легкий треск. Сосны сквозь золотую ленту лучей щетинились прозрачными иглами.

Вчера на солнцепеках дорога под ногами мякла, а сегодня замерзший слой снега сжался в крупинки и хробостит под ногами.

«Стало быть, есть наст», – подумал Василий и задорно крикнул:

– Никита! Тащи лыжи!

Никита засуетился в приготовлениях. Дружески-покорно заглядывал в загоревшее лицо товарища и подлаживал ремни.

– Лыжи, брат, почему зря – камусные, только и житья-бытья, – хвастливо заметил он.

Солнце плыло над стрелчатого макушкой Баяхтинского хребта. Над тайгой повисло седоватое марево. Василий вскинул винтовку и пустил вперед себя собаку, рванувшуюся с поводка.

Около соседней казармы старик в сером изрешеченном азяме и тюменских броднях-опорках тесал кедровое бревно и отлетавшие щепки бросал на костер под таган. Смолье теплилось ярко и беззвучно, как масло в жировке, пуская смолистый запах.

– Талан на майдан! – сказал Василий, придерживая собаку.

Старик поднял выцветшие чужие глаза. Заметно дивился военной форме и, только взглядевшись, выпустил топор.

– Васюха!.. Ядят тя волки! Ты откедова? Ах ты, блудень! Пришел?..

– Качура! Лесной ты леший! – вскрикнул в свою очередь Василий.

Синие с трещинами губы Качуры ткнулись в обмороженную щеку Василия.

– Пошто не наведаль стариков? Захали мы тут. Вот хорошо, что ты... Ах, ядят тя егорьвы собаки! Куда же ты? Завертывай в халупу! Гостевать будем.

– Нет, надо на Баяхту, кости размять, а может, и козенку бабахну – видишь, погода-то!

– Да, наст куда с добром... А у меня, Вася, и ружьишко тю-тю, – сказал сокрушенно старик.

Василий поправил ремни и подвязал лыжи. Они, шебарша, лизнули ледянистую корку снега.

Василий оглянулся и издали крикнул:

– Заверну, Качура, обязательно заверну!

От непривычки покачивало и слегка дрожали ноги. Но, пройдя сажень десятую, он взял под гору полный ход. Собака, слегка взвизгивая, едва заметно маячила в снежном вихре.

Качура с открытым ртом долго смотрел вслед и вскрикнул:

– Ай и ловкач! Не забыл – скажи! Этак и голову немудрено свернуть.

Василий, раскачиваясь из стороны в сторону, все быстрее двигал ногами. Вот он прошел мимо драг и нырнул в тайгу. Колючие ветки хлестнули ему в лицо, а за ворот посыпались заледеневшие снежинки.

Солнце описало дугу и выше поднялось над вершинами леса. Туман редкой сетью уходил ввысь. Под лыжами уже не шуршало – они беззвучно давили снежную корку. Как тонкий резец, два следа лыжниц оставались сзади.

Перевалив вторую покать, Василий остановился и сел на ствол колодины, выступившей одним концом из трехаршинного снега. Из-за ворота красного полушубка валил пар, а ресницы и верхнюю губу стягивало ледяными сосульками. Заиндевелая собака калачиком завернулась у него под ногами и часто дышала.

Василий бросил ей сухарь и сам с жадностью начал хрустеть другим.

В приятной свежести, как после бани, отдыхало тело. Мысленно прикидывал, сколько прошел. В памяти воскресли когда-то знакомые затеси, летние тропы, ручьи и хребты. Всего выходило около десяти верст.

Сам удивился и улыбнулся. После каторжной работы по сбору продрозверстки, после бешеной кутерьмы, ругани, неприятностей с мужиками, ночных сходов в облаках самосадочного самогонного дыма, после всего, через что он прошел в эти годы, грудь поднималась ровно и легко. Только ноющей занозой глубоко внутри шевелилась обида за прииск.

«Ведь если бы все сгорело в пожарах войны, а то отдали на разграбление хамью! Пропили, пролежали...»

В дальней пади, что тянулась впереди, тяжелый звук раскатился по вершинам леса. Собака с лаем кинулась на выстрел.

Когти с визгом царапали поверхность снежного пласта. Василий перекинул через плечо сумку и пошел за собакой.

Безлесая падь узким желобом уходила вниз, к болотам. Лыжи быстро неслись на покать, оставляя позади словно вихри пуха. Чтобы сдерживать бег, Василий все время держал одну лыжу на ребро и тормозил сорванным с дерева суком.

От встречного ветра свистело в ушах, а глаза застилал легкий туман.

Собака, как черный мяч, стремительно катилась вниз и ворчала. Но вот она остановилась, мокрая шерсть седыми слитками зашестинилась на хребте. А затем, ворча и взвизгивая, она мелькнула вправо между редкими деревьями. Василий поставил лыжи на упор и приостановился. От охотничьего задора сердце учащенно билось, а ноги в коленях дрожали и подгибались. Через мгновение между редкими кедрами послышался тяжелый глухой хруст.

Василий торопливо сорвал с плеча винтовку. Сверкнул засеребрившийся от легкого инея ствол. Хруст приближался... И вот в снежном бусе, вздымаясь на задних ногах и отмахиваясь головой от наседавшей собаки, огромный олень буравил снег.

Собака кружила зверя из стороны в сторону, хватая то за морду, то за задние ноги.

Олень, завидя охотника, изменил направление, кряхтя, прибавил ходу. Василий опустил ружье.

«Можно живого поймать», – подумал он.

Зверь выскочил на бугорок и по мелкому снегу пошел быстрее. Подзадоренный Василий, изогнувшись, прибавлял шаг.

Испуганный олень, высоко подбрасывая то голову, то зад, заметно уходил от охотника и собаки. Собака, догоняя его, вытянувшись, почти касаясь брюхом земли и бороздя мордою снег, отставала все дальше и дальше.

Обогнув густой куст, зверь свернул в лощину и ухнул в снег, как в глубокую яму. Подымаясь на дыбы, он испуганно и сердито метался от подбежавшей собаки. Завидя Василия, прыгнул от него два раза и, выбившись из сил, весь дергаясь, с высунутым языком, растянулся,

выкинув голову на верх снежного пласта. С прикатанной шерсти и морды сыпались крупные сероватые капли пота.

Василий наклонился и провел рукой по мокрой голове оленя. Зверь прыгнул вперед и снова свалился. Глаза его залились желтоватой мутью.

Собака с отчаянным визгом прыгала, вырывая клочья остистой шерсти из спины животного.

Василий отогнал ее прикладом.

И в этот же момент, отвязывая ремни от винтовки, он совсем близко услышал голоса людей. Через минуту двое охотников, в дохах с распахнутыми грудями, спускались по покати оленьим следом.

– Вот он, якорь его, – крикнул передний. – Го-гох! Другому попал... Но нет, брат, добыча пополам, а то и тятю с мамой не увидишь...

Василий из-под ладони всматривался в подходивших, и в то же время другая рука туго сжимала накаливаемый морозом ствол винтовки.

– Пополам, так пополам, какие разговоры! – шутя крикнул он. И тут же углы губ растянулись в улыбке. – Ах ты, птица ты мымра, волосяные крылья! Черт ты, Вихлястый! Когда это ты насобачился на пушку брат?

И Василий обхватил обеими руками курного драгера Вихлястого. Оба они были одинакового роста и одних лет. Но Вихлястый выглядел старше, шатко держалась на ногах его нескладная фигура.

– Как же мне твоя бабенция не сказала, что ты здесь? Ну как, дружба, живешь? А это кто?

Среднего роста плотный человек с упрямым лбом, который выпирал из-под тонкой выворотковой шапки, испытующе, с улыбкой, сверлил своими черными глазами лицо Василия.

– Да техник Яхонтов! Ума, брат, сума в этой голове. Это тебе не жабыя копать... Наш вождь всего боровского честного пролетариата. Он с Ленских сюда перекочевал. Мы с ним только что говорили о приисках, и тебя поминали. Измотало его безделье, и маракуем летом завернуть здесь кое-что.

– Что-то не помню... – Василий почесал себе лоб и протянул руку Яхонтову, и тут же почувствовал крепость его руки. – Дурят тут ребятишки. Полечить бы орысиной, ох, как надо! – усмехнулся он.

Яхонтов снова кольнул его острым блеском глаз.

– Так скоро? – растяжно пробасил он. – С насоку – и на полати? А если шею вывихнете? Василий незлобиво взглянул на техника.

Солнце вместе с голубым полукружием скатывалось за темную стену лесов. В тайге потрескивало. Василий начинал чувствовать холод от прилипшей к телу рубахи.

Олень лежал не шевелясь, часто дыша.

– Надо кончать, – сказал Вихлястый, выплевывая желтый огрызок сигарки.

– Да, пожалуй, время-то не рано, – согласился Яхонтов. – Отдохнет еще, тогда новую баню задаст.

Вихлястый щелкнул затвором и в раздумье взглянул на Василия.

– Может, ты, Васюха, чебурахнешь?

– Нет, хлопай ты.

– Да бей же! – рассердился Яхонтов.

Вихлястый прижал к плечу ложу винтовки. Выстрел, затем эхо где-то далеко в темных вершинах долго гудело перекатом.

Муть накрывала тайгу. Звезды яркими огоньками вспыхивали и мелькали сквозь густые ветви пихтачей и кедров. Тайга огородила костер и охотников. И только изредка из мертвой тиши долетало тяжелое хлопанье крыльев: это сонные глухари срывались с ветвей и усаживались обратно.

На ночлег охотники расположились тут же, посредине густого леса. Освежеванного оленя Вихлястый разрубил на три равные части и всем задал работу.

Василий с Яхонтовым срубили кедр и мельчили его на короткие чурки, а Вихлястый пристраивал лыжи на нарты и ладил надыю².

В глубокой, почти доходящей до груди снежной яме ярко горело, казалось, плавилось смолье. А когда работа была закончена, Вихлястый скомандовал на ужин. Сначала на Шашлыки жарили печенку, которая и без соли была хороша.

С голоду Василий обкусывал подгорелые края куска и снова жарил.

Яхонтов остановил его:

– Обождите! Не портите свадьбу!

Он достал из-за пазухи походную баклагу и подал ее Василию.

– Вот, хоть вы и продкомиссар, говорите, а на охоте и святые пивали, – дергайте! Первак – я те дам!

Василий крутил головой, а из глаз выступили слезы. Вихлястый долго держал баклагу над лицом, потом забулькал и передал ее Яхонтову.

Ужинали с тройным аппетитом. Василий чувствовал легкое опьянение и приятную теплоту. От костра курило смолой, пахло талым снегом. Ноги слегка ломило. Тело после сильного непривычного напряжения нежилось на мягких пихтовых ветвях.

Яхонтов даже унты снял, а Вихлястый, почти касаясь щеки Василия, надтреснутым высоким голосом будоражил свои и чужие обиды.

– Воевали, воевали, а шиш, видать, завоевали... Васька, да де же оно, равенство, когда, примерно, все поют с чужого тону? Вот я бы, примерно, драгер, слесарь и красный партизан, захотел по-своему? Нет, ша... Дисциплина человека слопала. Разве за это воевали? В учреждениях – погонники да спекулянты. Вася, да как же они нас осаврасили! Нет правильных людей... Вот техник Яхонтов, без малого инженер и свой человек, а бродяжит с ружьем, потому – правильности нет. Забросили прииск, миллионное дело. И ни гу-гу... Еграшка Сунцов здесь царь и бог.

Яхонтов искоса посматривал на Василия, ожидая возражений и будто изучая его.

Позевывая и вытягивая ноги к огню, Василий усмехнулся:

– Чудачите вы тут, ребятушки. От безделья ошарашило вам головы. У всех одна песня, а дела нет.

– Это вы верно сказали, – чеканно, с ударением, поддержал Яхонтов. – Все мы здесь только воем. Вы первый человек, который заговорил о деле. Только, боюсь, и вы сломаете голову. Здесь не прииск, а Мамаево побоище.

С юга, с гор, чуть-чуть колыхнул ветерок. Шумом отдаленной мельницы встрепенулась тайга. И разговоры легкими птицами закружились вокруг костра. Каждый вспоминал свою историю.

Из отрывков, из смутных воспоминаний намечались пути каждого, и шли эти пути под свинцовыми дождями, в удушливом огне, кровью обгаренные.

И Василий из сказанного понял нутром, что Яхонтова и Вихлястого занимают те же самые мысли. В глубине души он чувствовал, что нашел здесь для себя опору в предстоящей борьбе с тунгусниками и спиртоносами.

Раздумывая таким образом, он решил завтра же вернуться снова в Боровое и созвать рабочих.

Только под утро притихли.

Из-за темных гор серовой паутиной расплывалась полоса рассвета. Звезды, как заливаемые дождем огоньки, гасли одна за другою.

² Надыя – два бревна вкрест. Охотничий способ разводить зимой костры в тайге.

3

На восходе солнца Настя бегала от казармы к казарме. Никита пропал с вечера и утром его еще не было дома. Во всех закоптелых, с паутинами и вонью квартирах плескался разговор об одном и том же:

– Приехал Еграха Сунцов. Обоз с провизией идет...

По высоким утрамбованным тропам топтались бабы, ребяташки. Теплый ветерок шевелил вершины леса, лохматил тряпье на плечах рабочих. Приискатели с обросшими сонными лицами из-под ладоней всматривались в Алексеевскую дорогу, а затем гуськом тянулись к мастерским и дальше – к драгам. Над прииском серыми столбами поднимался дым и кудрявился вместе с легким туманом.

– Ты что, девка, суматошишься? – одернула около дверей своей казармы старуха Качуриха Настю за рукав продырявленного военного полушубка. Лицо старухи дрожало похмельной старческой дрожью, а из углов выцветших глаз по носу насохли гноевые бороздки. Настя повернула к ней свое строгое лицо. В ее васильковых глазах горели отвращение и упрек. По лицу Качурихи догадалась, что Никита пил с ними всю ночь.

Настя круглой кубышкой вкатилась под темную крышу казармы, и через минуту оттуда послышалась ее надрывная ругань.

Бабы, ребяташки, сталкивая друг друга в снег, рваной ревущей кучей обступили двери Качуриной квартиры.

– Представление! Первое действие! Вход за три сухаря! – балагурил высокий парень с расплюснутым носом, притопывая большими полуболютными сапогами.

Из казармы слышались частые шлепки и человеческий хрип. Парень откинул дверь и, повернувшись к гогочущей толпе, закричал:

– Контракт на пять минут!

Любопытные бабы, цепляясь друг за друга, запрудили дверь. Наперерыв кричали:

– Прибавь, Настасья! По мусолам-то, по мусолам! Не все им изгаляться над бабами. Прибавь! Прибавь!

В темном углу казармы, на нарах, размахивая руками у себя под носом, ругательно бурчал старик Качура.

Встревоженный и взлохмаченный Никита долго подставлял под удары руки и наконец обозлился. Как поднятый медведь, он вскочил и, рыча, облапил Настю сильными руками.

Толпа заулюлюкала.

Настя кукольной игрушкой взлетела кверху и вцепилась в густую льняную кучу Никитиных волос. Толпа ворвалась в дверь. Бабы курами закудахтали, навалились с разных сторон. Дергали за лохмотья, за волосы и щипали Никиту.

Парень с расплюснутым носом, пересиливая шум, потешался:

– На улицу их! В снег!

Забежав сзади, он толкнул обступивших баб, и вся ревущая и хрипящая масса кучей вывалилась за порог казармы.

Лицо Никиты залилось кровью, а в волосах и бороде заплелись клочья сухой осоки.

Парень с расплюснутым носом набрал в руку снегу и умыл им лицо Никиты.

В толпе, на руках баб, рыдала Настя.

– И все-то люди, как люди! Последнюю юбочку прола-ка-а-ал!

Но на нее уже не обращали внимания.

С Алексеевской дороги послышался скрип саней и визгливый звон колокольцев. Треск упряжки отдавался в тайге тяжелыми отрывчатыми шорохами. Голоса ямщиков сливались с общим шумом.

Вот в узком, как белая лента, проулке показалась первая дуга, и праздная толпа боровских жителей бросилась навстречу обозу.

Истощенные, подобравшиеся лошади едва тянули возы по узкой дороге. На крутом взвозе около самого прииска передовик остановился, и весь обоз скучился. Голодные кони рвали мешки с хлебом. Передние, не сдержав натиска, лезли на сани, сбивались в сторону и по самую спину увязали в снегу.

Вывалившиеся навстречу золотничники бросились помогать ямщикам.

С десяток человек, уцепившись за сани и оглобли, с уханьем и свистом выводили одну за другой подводы на взгорок. Все знали, что ямщики привезли самогон, и почти каждый старался поделаться к ним, чтобы выпить на шармака.

Около большого здания бывшей конторы прииска, под навесами, подводы остановились в стройном порядке. Ямщики щелкали кнутами, загоняя лошадей. Бабы поочередно и наперебой зазывали их на постой:

- К нам милости просим – зимовье свободно и тепло!
- А у нас и сенишко найдется, и сохатина сушеная есть!
- По три калача с человека в сутки берем, чай, ежели што, сварить можно...

Но ямщики не торопились. Вразвалку переходили они от подводы к подводе и, улыбаясь в бороды, убирали лошадей на выстойку.

Еще ранним вечером прииск огласился песнями и ущемленными взвизгами гармошек. От казармы к казарме в обнимку мужчины и женщины потянулись подвыпившей компанией. Подмерзшие лошади, побрякивая колокольцами, топтались около прикрепленных к оглоблям препонов.

Затянувшиеся туманом горы гулким эхом отзывались ожившему Боровому.

Радовалось сердце Евграфа Ивановича Сунцова. Верхом на круглом малорослом иноходце, в новом черном полушубке и расшитых бисером унтах, он подъезжал то к одной, то к другой компании.

На шее у него и через плечо развевался белый шарф. И везде его встречали веселыми криками:

- Живем, Еграха!

Бойко повертываясь, Евграф Иванович улыбался белками цыганских глаз золотничникам.

Сунцов поселился на Боровом год тому назад и вот уже второй раз пригнал обоз. Приискатели знали только одно, что он бывший тунгусник из Туруханска и парень-жох! В течение последних лет на глазах у всех Евграф Сунцов богател, но не скупился при крайней нужде выручить хлебом, который у него не переводился.

Зато всю летнюю добычу золота он забрал себе.

По замашкам и привычкам догадывались, что семья Сунцовых не из простых. Недавно Евграф Иванович привез с Баяхты пианино, и его кудрявая красавица сестра день и ночь брякала на этой барской музыке, а жухлая, как выдра, жена собирала баб и устраивала с ними баптистские моления. Говорили также, что она из ревности к сестре ножом пырнула мужа.

Да какое кому дело? Все знали, что на этом золотом клочке земли, оторванном от всего живого мира, без Евграфа они умерли бы с голоду. И никому не было дела до того, что Сунцовы занимают лучшую квартиру, хотя втихомолку в последнее время гнездилися и полз по углам глухой бабий ропот:

- Вот, говорили оратели – буржуев не будет. А оно, смотри!

– Да чего там – побасенки одни. Как был наш брат Кузька, так он и до скончания века будет горе куликать!

Подъезжая к большой артели, Сунцов отпустил поводья и нажал ногами в бока горячившемуся иноходцу. Лошадь под рев баб бросилась в кучу, но Сунцов вздернул поводья и осадил ее на задние ноги:

– Испугались? – крикнул сипловатым голосом. Его цыганские глаза смеялись, а на смуглом, еще молодом лице стягивалась в коросту обмороженная кожа.

– Живем, ребяташки, и никаких козырей! – еще громче крикнул он, ловко спрыгивая с седла.

– И хлеб жуем! – пьяным хохотом отозвались в толпе.

Сунцов взял коня под уздцы и выпрямился так, что иноходец головою тыкался к нему в спину.

Пьяная компания обступила и стянулась кольцом.

– Если у кого не на что покупать хлеб, приходи – выручу, – сказал он, всматриваясь в сторону Баяхтинской дороги. – Только уговор дороже денег – золотишко не сдавать на сторону. А потом же я расходы имею по поездке... Прохарчился, как мамин сын...

Но Сунцову договорить не удалось.

Василий с Вихлястым и техником Яхонтовым выходили из-за угла казармы. На связанных в кучу лыжах каждый из них вез окровавленные части оленьей туши. Толпа загготала:

– Мясо! Вот в пору – выпивка и закуска.

Но, завидя Василия, остепенилась.

Со слов Насти и Качурихи уже знали, что на прииск приехал Василий с какими-то «полномочиями».

– Он или нет? – шептались бабы.

– Какой важнецкий стал!

– Мотри, каким гоголем выступает, што твой офицер!

Мужчины вызываяще, исподлобья мерили глазами Василия.

Весь в поту и куржаке, он остановился посредине круга. Глаза обожгли собравшихся и встретились с такими же колючими и упрямыми глазами Еграхи Сунцова. Они поняли друг друга и так же одновременно отвели глаза в сторону, как и встретились.

Сунцов повернулся на каблуках и легко взлетел в седло.

В морозном воздухе в горах отдавалось визгливое цоканье копыт разгоряченного иноходца. Под взмах руки лошадь приседала и долгими скачками рвала вперед.

Прищуренными глазами Василий долго смотрел вслед, не обращая внимания на обступившую его публику. И, будто про себя, сказал:

– Это и есть боровский коновод? Здорово летаешь, да где-то сядешь?!

– А зачем же оскорблять, товарищ? – крикнул чей-то пьяный голос.

– Не знамши человека, – подхватили другие, – стараются уязвить, оплевать... Вот все теперь так пошло! Не поймамши птицы, щиплют перо.

– Вишь, с каким храпом заявился. А по правде-то сказать, если бы не Еграха, чо бы кусал народ?

– А ты не гыркай! Такая же сволочь горластая! Эх вы, барахольщики! За Еграшку держитесь, лизоблюды, а свою парня опешить норовите, не обогрехши места. Да кто он вам?

Василий сквозь шум узнал этот голос. Никита без шапки, расталкивая публику, пробирался к нему.

– Дергай, Васюха, и шабаш! Ударь по кумполу, штобы зазвонило!

– Да ты што, парень, осапател? Чего молчишь-то? – добивался Никита, хватая его за ворот шинели. – Я, брат, тут агитнул за тебя. Разобьем Еграхину компанию вдрызг!

Его оттолкнул Вихлястый.

– А ты накорми сначала человека! А то пристал как банный лист... Небось не спросил, сколько верст отхватили.

Василий еще раз оглянул собравшихся и дернул за веревку лыжи.

Никита, суетясь, старался помочь, но оступился с тропы и завязил в снегу бродень. Толпа разразилась пьяным хохотом.

Не раздеваясь, без ужина Василий свалился на нары. Настя вскользь взглянула и заметила, что на лице у него переплетались чуть заметные морщины, а подглазницы посинели.

– Заболел, что ли? – допрашивала она, дергая его за ногу. – Да ты каку язву молчишь-то! Оканунился ли, чо ли?

Но Василий сопел, занятый своими невеселыми думами. В казарме шумела железная печь и ворчал закипающий котелок. Никита подсел к Василию и заплетающимся языком говорил:

– Из-за тебя выпил... Ты растревожил душу... А все-таки наша возьмет. Еграшкину сволочь разметим по матушке-борели³. Поверь мне, Васюха... Я и на Баяхту заказал... А вчера у нас было собрание у Качуры. Все старые приискатели за тебя, как щетина. Вот гляди-гляди – сюда нагрянут.

³ Тайгу со смешанным лесом сибиряки называют борелью.

4

Легким лебедем пролетел утренник. В воздухе кружились белые пушинки снега. Густой туман сеял как из сита. Над тайгою и прииском неводами расстилались дымчатые облака. Темные волны их нависли на крыши построек и вершины гор.

...Красное, без лучей поднималось солнце.

По восходу знали о приближении оттепели.

Василий торопливым шагом направился от Никитиной казармы. На его обветренных щеках курчавились колечки куржака, и широкие скулы вздрагивали в такт шагам. Придерживая правой рукой желтую кобуру, а левой – длинные полы кавалерийской шинели, он не смотрел на мелькающие впереди – в мороке и иное – тени, и сам шел такою же длинною тенью в журчащий говор и суетолю.

И опять на пути встал Евграф Сунцов.

Обрюзглый с похмелья, краснолицый от мороза, он прохаживался между возов в сопровождении молодой круглой женщины.

Обернувшись через плечо, Василий встретился с глазами женщины – черными, большими, но не хитрыми, как у Евграфа Сунцова.

Она бросила косой взгляд на маузер Василия, длинные полы шинели и, спрятав улыбку, отвернулась к возам.

На санях в стройном порядке дыбом стояли развязанные мешки с мукою, лагуны самогона, капуста в кадках, творог и кружки мороженого молока.

Вокруг возов по утоптаным буграм бабы в птичьем переполохе трепали в руках мужицкое добро.

Ямщики ведрами, кадушками и просто пригоршнями размеривали муку.

Покупателей не зазывали – они сами, как оводы в июльский день, облепляли подводы.

С другого конца, от драг, задыхаясь в торопеечке и в давке, золотничники заваливали ямщиков приисковой рухлядью.

К Василию подошли техник Яхонтов и Вихлястый.

– Вот, видите нашу барахолку... Все чалдонье перевозило домой, – мрачно бросил Яхонтов, не глядя на Василия.

Василий покосился на него и молча дернул за ворот проходящего старика. Из рук приискателя рассыпалось на снег целое береме напильников, зубил и две кайлы. Он в недоумении разинул рот и налитыми кровью глазами взглянул снизу вверх в пылающие глаза Василия:

– Да ты што, парень, балуешься, али как?

Старика одолевала дрожь. На его худых плечах, будто от ветра, трепались желтые лоскутья азяма.

– Загоняешь, говоришь, приисковые шуры-муры, старая крыса?

И старик понял, что не в шутку Василий выбил у него вещи из рук. Вокруг них нарастала куча людей, замыкая плотным кольцом.

– А люди-то?... А жить-то чем? – бессвязно лепетал старик. – Ты вот на пайках раздобрел, а нам как?

Василий оттолкнул его и выпрямил широкую грудь. На залитом краской лице пробежала судорога. На щеки лег багровый румянец.

У возов остались только ямщики. Тунгусники и спиртоносы косились на невиданное оружие. Толпа росла. Старые приискатели пробирались ближе и, улыбаясь, следили жадными глазами за вздрагиванием меховой шапки на голове Василия.

Давно приискатели не слышали здесь таких слов:

– А вы саранчой транжирите приисковое богатство... А дальше что? Мужик за мешок отрубей перетащит всю драгу и поставит ее там курам на седало или на часовню. И будет молиться. А вы пустите его с оглоблей в рот. И я, как ваш товарищ, не позволю растаскивать народное добро. Продукты мы оставляем здесь!

В толпе хлестнул взрыв негодования и одобрения:

– Не имеешь права!

– Как это, не имеешь?!

– Полное право имеем прижать, – пискнул бабий голос Вихлястого.

Ямщики, трепля косматыми бородами, в испуге заматались около возов. В сплошном реве загорелись отчаянные споры.

Техник Яхонтов сделал жест рукою и залез на торчащий из снега широкий пенёк. Упрямый лоб глубоко разрезала продольная борозда, а из-под густых бровей острием бритвы сверлили черные глаза. Не поднимая головы, натужно собирая морщины на лбу, не сказал, а отрубил:

– Я вполне и бесповоротно поддерживаю слова товарища Медведева. Рабочий без производства, что мужик без телеги. У нас одни голые руки остаются, и их некуда девать. Ангара слопают до последу все имущество прииска, ну а дальше что?

Шум голосов и лошадиной упряжки поглотил последние слова Яхонтова. Передняя подвода тронулась с места, а за нею, стуча о поперечины саней и наскакивая на воза, потянулись другие.

Ангарец с рыжей бородой направил прямо в гущу горячего коня, но Василий ухватился за вожжи и осадил лошадь на задние ноги.

– Стой, чертово помело! – захрипел он.

Из-под белых ресниц драгера часто мигали серые маленькие глаза.

– Стой! Все реквизируется, понял?

Бабы в переполохе шарахнулись в сторону. Увязали в снегу и гудели, задыхаясь от своего крика.

Ангарец, в бешенстве передергивая вожжами, поставил коня на дыбы.

– Ты что, сволочь, давить рабочий народ?! – закричал Никита, замахиваясь кайлой.

Мужик опустил вожжи и клубком скатился за головки саней. В испуге он застонал, как из-под земли:

– Что же это, товарищи? Дневной грабеж! Убийство!

Из-за возов сквозь кучу столпившихся ямщиков пробрался Сунцов.

Ободренные его появлением, закоренелые тунгусники и спиртоносы зажали теснее круг около Василия с Яхонтовым.

– Ваш мандат на право реквизиции? – обратился он к Василию.

Голос Сунцова слегка дрожал. По раздувающимся ноздрям и бегающим глазам Василий понял, что противник дрогнул, и взмахнул маузером.

Сунцов, закатывая белки, попятился назад. В толпе, за спиной у Василия, пронесся громкий хохот, а среди тунгусников и спиртоносов шипенье.

– Наколосся на своего, – хихикнул кто-то в толпе.

– Это не то, что с нашим братом! – подхватил другой.

Василий шагнул к Сунцову и рванул его за грудь.

– Ты кто здесь такой?

– Вы оставьте, гражданин, – задыхаясь, вырвался Сунцов. – Я, может быть, действую на законном основании, а вы какое право имеете делать самочинство?

Василий обернулся назад и дико расхохотался.

– Слыхали?! Контра заговорила о законных основаниях...

Между ними выросла девушка в оленьей дохе. Ее выдровая шапочка сбилась на затылок, и глаза Василия на мгновение остановились на проборе черных волос с завитками на висках.

А она, бросая пугливые взгляды, увлекла Сунцова в толпу.

Никита вскочил на сани и вопросительно посмотрел на Василия.

– Гнать к амбарам?

Василий кивнул ему.

Подводчик ухватился за вожжи, но не удержался, отлетел в сторону.

Несколько человек старых приискателей во главе с Яхонтовым отгоняли одну за другой подводы. Золотничники и ямщики, потрясая криками воздух, хлынули за обозом.

Под ногами в беспорядочной свалке путались затоптанные в снег инструменты.

Солнце медленно скатывалось за гребни ближних гор. С юга тянул теплый ветерок и шептался с лесной хвоей.

5

На углу бывшей конторы трепались от ветра пожелтевшие, вырванные из старой конторской книги, листы бумаги – объявление о собрании.

Карандашные буквы косыми линиями пересекали красные графы, и на конце каждого слова красовались хвостики с закорючками:

«Общее собрание всех рабочих, как мужчин, так и женщин.

На повестке – выборы ревкома и рудкома».

Мужчины, почесывая затылки, улыбались, а голоса баб раскатывались в звонком смехе:

– Комы-комы – не знакомы... Хлеб забрали, а как-то накормите?

– Рудком-то, знакомо слово, а ревком – должно, от реву ли, как ли?

– Ничего не разберешь!

Недоумения рассеяла шутка Евграфа Сунцова:

– Это, ребята, не про русских писано тут.

Его жена, сухая, маленькая, в оленьем мешке, взвизгивала от хохота, показывая золотые зубы.

Оглянулась на нахмуренного Вихлястого и закатила насмешливо зеленые глаза.

У Вихлястого сморщилось желтое, точно копченое, лицо и дернулась бровь. Отвернулся и выплюнул слова, точно рашпилем по ржавому железу:

– Самой грош цена, а в плевалку золота на сотню напихала.

Около объявлений появился веселый парень с расплюснутым носом. Парня встретили восторженным криком:

– Вот Ганька-шахтер! Он мастак по грамоте... Всю подноготную под голик раскроет... Пусти его, кобылка!

А Ганька уже корчил широкую арбузообразную физиономию в тонких бороздочках морщин, отчего бабы тряслись и покатывались в припадке смеха.

– Ком в спину... Ком в голову... Ком в брюхо, а вместо касторки – еловое сало. И через месяц в могилевскую губернию! – острил Ганька, покусывая тонкие злые губы.

Около угла, упершись острым плечом в кромку бревна, тряс азиямом старик Качура. Его копченая от самосадки борода висела разрозненными клочками, а с конца носа падала капля за каплей на захватанную до лоска одежду.

– Мойте, мойте зубы-то! – укоризненно кивнул он на баб. – Над чем ржете, как кобылы на овес?!

Ганька схватил его за опояску и, втаскивая в круг, заорал:

– Вон он предраспред, коптелый дед. Ума сума, а заплат палата!

И тряхнул за опояску кувырком в снег.

Толпа грохнула, опьяненная зрелищем.

Качура, вихляясь и подпрыгивая, махал около груди Ганьки сморщенным кулаком, стараясь достать до лица, и на потеху публике плюнул в его сторону.

– Эх ты, крыночная блудница! Варнак третьего сорта! – голос старика срывался и пищал.

При появлении Василия смолкли. И только бабы сквозь ветхие полушалки пускали защемленные смешки. Мужчины косо и загадочно щупали глазами плотно перетянутую фигуру Василия.

На поклон отвечали нехотя, холодно и даже с лукавой улыбкой.

Это кучка сунцовских приятелей.

– Видишь, как выхолены комиссары, а нашего брата короста заела, – сказал Ганька, толкнув Качуру в плечо.

– Недаром пословица говорит: рабочий конь солому ест, а овес плясунам.

И опять ершом ошетинился Качура:

– А он кто? Эх, боталы, боталы! Не из дворян и князей каких-нибудь. Ежели порядки нам наводит свой парень, то к чему и над чем зубоскалить. Мы должны гордиться своим человеком!

А толпа исподтишка колола Качуру насмешками:

– Заткнись, вчера нашим, а сегодня – вашим... Видно, пайку получил от старого соседа?!

Ущемленный обидами тунгусников, старик махнул рукой и засеменил вслед за угрюмым Вихлястым в контору. Там уже собирались свои.

В дымном, пропахшем плесенью помещении вьются темные сети паутин, накопленных годами запустения. Посредине большого зала Никита установил еще с утра громадную железную печь с трубами в крышу. Посредине помещения – с десяток искалеченных стульев на двух-трех ногах. С потолка прямо на голову сочится мутная капель.

Начиная от пола и до потолка, густым столбом шел пар вперемешку с едучим дымом. В углу под вершковым слоем пыли – одинокое знамя. Василий усмехнулся, когда прочел едва заметные тени на темном полотнище:

«Вся власть хозяину земли русской – Учредительному собранию».

– Всем служило в свое время, – кивнул Яхонтов.

Вскоре зал был запружен от передней стены до порога.

Двери не затворялись, и в них, как в трубу, валил дым и пар.

Ехидные смешки и говор стихли. Василий подошел к столу. С минуту молча всматривался в лица приискателей. Вспомнил прежний прииск и прежние лица рабочих. Со злобой сжал челюсти и отмахнул дым перед лицом. Толпа с азартом от нетерпения ширяла друг друга под бока:

– Вишь, думат, как лучше опутать народ.

– Не, должно, забыл, с чего начинать...

– Котелок заклинило. Изговорился весь чисто, видать...

Но, к удивлению всех, собрание открыл Вихлястый.

– Товарищи... Как мы специально ячейка и трудовой народ при советской власти, то председателем назначаем старика Качуру, а секретарем товарища Алеху Залетова. И как повестка собрания всем известна, то специально приступаем к докладу товарища Медведева.

Из угла послышался дребезжащий голос Сунцова:

– Это какая же такая ячейка объявилась?

И толпа от дверей подхватила. Резкими взрывами бухали голоса о пустые стены конторы:

– Сам себя выбрал? Вот те на!!!

– Да за каким лешаком нас сгоняли сюда?

– Как и раньше, самозванство пошло!

Это кричали опять сунцовские.

Василий говорил сначала совсем не то, что нужно.

– Колчак, покойник, тоже был за демократическую. Деникин, Юденич – тоже, и вы, стало быть, тоже?... Но она весь подол обтрепала и всю прическу помяла, эта ваша демократическая... Опять хотите говорилку с теми, кто бьет по диктатуре пролетариата... Но нам нужно поставить прииски и золотым фондом ошарашить буржуя. И не говорилкой сделает это рабочий и крестьянин. Мы чихать хотели на говорилки. Берите покруче говорильщиков, за самую дышалку. А гражданину Сунцову мы тоже работу дадим. Надо прищемить собачий хвост, когда он перед глазами болтается.

Из толпы:

– Просим без угроз, товарищ, и ближе к делу!

– Рабочий класс не может сейчас отдать управление черту лысому, и нечего тут трепать. Кто не желает с нами, тому – тайга широка, а можем повернуть дело и другим манером... В рев-

ком предлагаются Медведев, Вихлястый и Залетов, а в рудком – Яхонтов, Качура и Никита Лямин. А техническую братию притянем по трудмобилизации...

И не успел Василий закончить, как из углов закричали. Казалось, порыв налетевшей бури отдирает крышу здания:

– Себя-то не забыл!

– И своих тоже...

– И Борис Николаевич продался, а еще интеллигент! На хлеб потянуло...

– А вам не глянется, так вон отсюда!

Качура вскочил и в каком-то одичании крутил у себя перед носом трубкой.

От топота и криков дрожали стекла... Но Василий видел два лагеря, и глаза его горели в улыбке.

Старый приискатель, ростом под потолок, с сивой, как конский хвост, бородой и лицом Саваофа, схватил за грудки Евграфа Сунцова. Голос, как хриплое точило, резал ухо:

– Будя волынить! Ша!.. Заткнись!..

В свалке с шумом грохнулась железная печь... Толпа в давке застряла в дверях... Тунгусники с руганью покидали собрание.

Вихлястый с разбегу вытолкнул ногой широкую раму и, выскочив в окно, начал пригоршнями бросать снег на высыпавшиеся угли.

Когда пожар был затушен, в конторе остались только старые приискатели, которых Василий знал или видел раньше.

И будто только теперь начали узнавать его. Сразу заговорили о деле.

– Как живут города?

– Правда ли, что там всех собак поели?

– С чего начинать работу?

– Какую пайку определить?

В окна и открытую дверь тихо ползли теплые сумерки, и так же тихо укладывались тяжелые, непривычные думы. И в первый раз после семнадцатого года в стенах конторы пели, на зная слов, протяжно и нестройно «Интернационал». Глухие разрозненные голоса шли в таежную ночь...

Евграф ввалился в самую большую казарму. На широких нарах в кружок сидели десятка три пришлых сюда золотничников с взлохмаченными волосами и расстегнутыми воротниками рубашек. Это была головка. Посредине майдана стояла черная от грязи лагушка с самогоном. На берестянке нарезаны большие куски свиного сала.

Казарма освещалась одним светцом, пристроенным к русской печи посредине помещения. Около светца верхом на скамейке лицом друг к другу два парня тешились в любимую игру. Они стравляли двух вшей: чья перетянет на свою сторону, тот выигрывал сухари и самогон.

Сунцов брезгливо поморщился, но, не подавая виду, привычно заскочил на нары в круг пьющего майдана.

К нему сразу протянулось несколько рук с деревянными чашками. Старый золотничник с безбородым сморщенным лицом оттолкнул остальных и протяжно зашамкал:

– Кобылка!.. Найдем почище...

Он поднялся и достал из сумки бутылку с желтым настоем.

– Вот, – стукнул он о берестянку, – по гостю будет и вино!

Старик вытер подолом залощенной рубахи чашку и налил ее Сунцову. Евграф Иванович приподнялся и протянул вперед руку.

Голоса смолкли.

– Гуляли ребята, – начал он, – да, видно, отгуляли. Перо вставляют нашему брату... Нашел волк на капкан – дергай в тайгу, пока нас псарня не слопала... Или лезь в этот капкан... Так вот куда – в капкан или лыжи смазывать дальше?!

Будто и стены и потолки разорвались пополам:

– Нашим потом и кровью пропахли прииски – в веру, в бога!

– Тайга ничья! Никто не сеял в ней золота!

– Новая пакость хуже старой!

– Нистожат народ на пайке и забивают баки пустоголовому рабочему пролетарии! – иступленно кричал Ганька.

Сунцов спустился с обрубка. С красного лица катился крупный пот, в глазах переливалась неуловимая муть.

– Не нам печалиться, ребята, – уже спокойнее начал он, озираясь по сторонам. – У них все шьется на живульку. Только глоткой мир потрясают...

И самодовольно рассмеялся:

– Американцы и немцы строят машины, а у нас накачивают политчехардой... Только зря думают здешние крикуны, что Еграха Сунцов один, как былинка в поле. Да если хотите знать – за нас все миллиардеры заграничные. Сегодня север ихний, а завтра товарищей коленом под мяготь – и ихних нет! Желаете, сейчас же получу деньги от иностранцев и закручу здесь карусель?!

– Это да... – замахал руками безбородый старик, давясь жвачкой.

По казарме шарахнулся пьяный смех.

– Проедут все, пролежат, проговорят, а потом снова амбары от ветра загудят.

– Ого-го! Это нашему козырю в масть!

– А местечко мы найдем, тайга не клином сошлась. Вон она, матушка-борель, до океана шваркай!

Только перед рассветом Сунцов вывалился из казармы. На сером фоне ярко выделялось его красное лицо. В горах резко отдавалось звонкое цоканье подков.

Из казармы вслед тянулась в грохоте и чаду старинная песня:

Ты к-а-а-л-и-нушка да с-а-а-м-а-линушкой.

Ай да ты не стой, не стой на горе-е-крутой!..

Пришлые золотничники пили мертвую, и Евграф Иванович знал, что они будут пить до тех пор, пока есть хлеб и самогон.

Еще вместе с покойным отцом он тунгусничал здесь, а вот пришли чужие порядки и перевернули все по-своему. Но не из таких Евграха Сунцов, чтобы падать духом. Тайга – пустыня, а хлеб и золото есть. Ну, махнуть на Калифорнийский, на Забытый, приискатели везде шляются.

Однако внутри копошился какой-то страх и злоба вместе: это медведевская угроза запала в сердце и шевелилась там змеей.

«Надо действовать осторожно, а то слопают “товарищи”», – шептал чей-то чужой голос.

Закинув за луку седла поводья, он соскочил с иноходца у своего крыльца. Разгоряченная лошадь привычно прыгнула через жерди забора и остановилась у стойла, потряхивая уздой. Она знала, что будет стоять здесь до утра, пока выпится хозяин и пустит ее к корму.

6

Рудком, ревком и распред поместились в одном здании – в старой конторе. Дыры в проломанных окнах затыканы травой, а снаружи Вихлястый еще с утра на второй день после собрания приколотил дощечку с надписью углем: «Рудуправление».

Внутри – три стола на всех служащих, а Качура с распредом приютились в углу, около ветхого топчана.

На изрытых каблуками полах и изрубленных подоконниках заплатами въелась засохшая грязь. Сиденьями служат четыре-пять обрубков и столько же безногих стульев. Посредине помещения все та же чугунная печь. Вверху, под самым потолком, в густых паутинах колыхается чад. В дверях и на подоконниках, сидя и стоя, с утра до вечера в базарной сутолоке толкуются приискатели. И тут же, в облаках пыли, секретарь ревкома Залетов, бывший десятник, изо дня в день ворошил старинный шкаф с конторскими бумагами (книги уцелели, видимо, потому, что толстая бумага не годилась на раскурку).

На желтом маленьком лице Залетова чахлая бородка. Сквозь тонкую, еще фронтную шинель выпирают узкие плечи. По росту и сложению секретарь похож на мальчика и с резвостью и задором подростка воюет в архивном склепе.

– Это вот тебе, Качура, на выдачу провизии!

И на скрипящий топчан летит толстая книга в матерчатом переплете.

– А завтра товарищ Медведев тебе секретаря мобилизовать распорядился, Сунцову Валентину... Девка на ять... – хихикнул старику в бороду и снова катышком умчался к шкафу.

Качура, как старая лошадь, отмахнулся, точно от овода, и повернул сонное лицо в толпу.

И в этот же момент на топчан прилетел затасканный кусок мерзлой свинины.

Вплоть к самому столу протискалась Вихлястиха, полная грудь ее колыхалась, голос прерывался, глаза были дикие. И бабья трескотня раскатилась по конторе:

– Что, сам деле – за собак, што ли, считаете... Ты вот сам попробовал бы этой маслятины... В рожу бы натывать... Кошка другой раз жирнее этой бывает. Мы на Ленских семь лет робили и не одна такая падлу не варили, а вы к чему приставлены?! Небось Никитка своей Насте не такой дал, а самый зад отлящил.

Толпа грохнула хохотом.

Из задних рядов вывалился на середину бородач. Жесткие усы старика топорщились и шевелились вместе с морщинами.

– Тише, кобылка, ш-ша!.. Мое слово будет такое: раз ты баба идейнова человека, то гожа или не гожа эта говядина, лопай за обе шшоки и не бреш на постную молитву, окаянная душа!

В толпе баб ручейком пробежал насмешливый колючий ропот:

– Вот как завши-то жисть куражат!

– Нате, девки. Без году неделя на должности и задается!..

Что твоя хозяйка прежняя.

– Харкнул бы ей, Качура, в гляделки-то, чтобы со смеху закатилась...

А Качура морщил подслеповатые сонные глаза и будто искал кого-то среди собравшихся.

На галдеж из-за дальнего стола поднялся Вихлястый и пьяной походкой направился к топчану.

– В чем дело?!

Завидя свою жену, одной хваткой за круглые плечи завернул ее лицом к дверям. Но бабы, как утки в испуге, дружным ревом вступились за нее:

– А ты языком болтай, да рукам воли не давай. Ячеешник таловый!

– Как ранее, так и теперь такие, видно, бабы права...

– Ты словом улести, а не своими медвежьими лапами...

– Так, понужай их, бабы! Они распустили на вас собак, а вы должны показать им свои клыки! – крикнул Залетов, сморщив в шутку физиономию.

Василий, внакидку в красном полушубке, с улыбающимся лицом, приподнялся из-за стола и будто смехом кольнул баб в самое нутро:

– Молились вы тут, а видно, и баптистский бог велит баб колошматить как сидоровых коз.

Среди мужчин смех, остроты:

– Да бабу чем больше бьют, тем крепче любит.

Женщины не уступали:

– Черт вас любит, затхлых...

Василий вышел на середину, в самый круг баб. Черная куча волос заколыхалась на его голове. Острый подбородок вздрогнул, а глаза смеялись.

– Мы с вами еще сварганим работишку, бабы, когда немного оперимся. Вот только женорга бы нам выколупать! Завернем трудмобилизацию сначала и докажем мужчинам свою ухватку... А там швальную и детясли устроим...

И тут же хлопнул по плечу Вихлястиху:

– Вот кого бабым руководом назначим – гвардеец женщина!

Со всех сторон не слаба! Приходи – проинструктируем, и навертывай на все сто процентов.

– Да, сваи забивать можно! – это опять мужчины.

А бабы надрывно вперебой плескали угарной бранью и насмешками:

– Гвардеец-то гвардеец, да только с другого конца!

Вихлястиха, отплеываясь во все стороны, легко выбежала во двор, и уже за дверями, покрытый смехом, послышался ее голос:

– Псы! Ошкоульники!

7

В один из вечеров после бесчисленных заседаний Василий одиноко бродил между разрушенных построек. По дороге и на узких тропках валялись разбросанные инструменты и просто куски ржавого железа. Над темными вершинами Баяхтинского хребта, в рваных облаках, над развалинами прииска едва мерцал крюк умирающей луны.

Чья воля отняла жизнь у этих омертвелых, ссутившихся в белые сугробы драг? Паровой молот огромной кузницы тогда потрясал грохотом тайгу, а теперь из пустых закоптелых стен черною пастью оскалились чуть не доверху замеченные снегом отверстия, где висели тяжелые двери. Теперь двери изрублены на растопки, и у простенков только кое-где еще болтаются ржавые петли. С наметенных сугробов можно без затруднения взойти на крыши строений. Только раскопками можно узнать, что осталось в целости. А еще в семнадцатом году здесь были гладкие, под метелку вычищенные дороги...

В мастерских они проводили ночи в тяжелое время, когда на прииске царил казачий хмельной разгул, и отсюда же устроили нападение на карательный отряд. Василий был еще мальчиком.

На повороте к своей казарме он встретил Яхонтова. Сквозь бледную сетку лунных теней видно было, как упрямый лоб техника морщился, а глаза впивались далеко в темные мертвые дебри.

– Чертово провалище! – заговорил он, как всегда, размеренно и чеканно. – Сотни раз думал и передумал сняться с якоря, а все остаюсь, точно обреченный. Диковинная штука это – прошлое!.. Я ведь по тайге шляюсь пятнадцать лет, и становится страшно, когда подумаешь о выезде. А по ночам мне чудится ход машины и треск канатов, и когда подряд не сплю две-три ночи, то ухожу в тайгу лечиться... Хороший врач – тайга!

Они прошли уже Васильеву квартиру и по хорошо разъезженной дороге повернули влево, в тенигус⁴. На взгорье, около темной грани тайги, три окна смотрели тусклыми огнями. Там раньше была квартира управляющего, а теперь живет семья Сунцовых.

– Странная семья, – угрюмо продолжал Яхонтов, обрывая нить начатого разговора. – Я встречался еще с их отцом. Он в каком-то городе имел несколько домов – здорово грабил за квартиры, а сам почти всю жизнь скоротал здесь, в тайге, среди приискателей.

Сам он как будто из ссыльных цыган, а женился на дочери управляющего, вернее, увез девушку и скоро доконал ее. Учил детей...

– Чему? Своему ремеслу? – усмехнулся Василий.

– О, нет. Это само собой пришло, по наследственности, что ли? А на самом деле Евграф сбежал из последнего класса реального.

– А сестра?

У Яхонтова загорелись глаза, и Василий, заметив это, сморщил брови.

– Ну, сестра – из другой оперы. Она окончила гимназию и совсем не того сорта... Эта – маркой выше обыкновенного. Может петь, философствовать... А вот попала в эту прорву. Здесь все ржавеет. Вот я помогал вам и сам хочу работать, но иной раз сгорает нутро, и живешь только потому, что живешь! Будто с земли ушел куда-то человек, а на ней поселились другие существа, перевоплощенные черт знает во что. Я понимаю ваше марксистское объяснение событий и неизбежность разной там закономерности и знаю, что вы будете основательно возражать, но вот представьте, когда увидишь, как человек по-волчьи перегрызает горло за обглоданную кость своему же ближнему, то не хочется верить, что это человек. Ни религии, ни нравственности, ни сострадания!.. Над этими штуками я смеялся, а теперь вот думаю...

⁴ Тенигус – отлогий длинный подъем на возвышенность.

Они подходили вплотную к глазающим тусклыми огнями окнам, и слух явственно уловил глухие звуки женского хора и звуки пианино.

– Вот она, чертовня, – указал пальцем Яхонтов на дом, в котором живут Сунцовы. – День грабит, а ночью молится, как дикарь над растерзанной им жертвой. Вот вам прогресс человеческой психологии! Табунизм? Нет, хуже...

Они повернули назад. С пригорка были чуть видны кисейные тени дыма, выходящего из множества труб. С южной стороны дохнула теплая волна, и снег почти не хрустел под ногами. В хребтах дробно, как треск медленно сваливающегося дерева, прокричала одинокая, видимо, испуганная птица. На прииске надрывисто заливалась воем собака.

Яхонтов нервно вздрогнул от неожиданной хватки за руку.

– Стой, брат, – почти крикнул Василий, выкинувши в воздух зажатый кулак. – Бездельная эта штука – ваша интеллигентская бессонница.

Может быть, потому, что мысли Яхонтова и слова были так мрачны, или потому, что на пути стало новое препятствие, не открывшееся в первые дни появления в Боровом, Василий снова, как перед боем, встрепенулся и насторожился.

– Ты не враг рабочему классу, – вижу тебя на аршин в земле, а этим вот рассуждением ты становишься врагом. Зажми зубы до треска, а не выпускай таких птиц на волю. Так теперь надо.

Они незаметно для себя дошли до казармы.

– Пойдем, посидим! – позвал Василий Яхонтова, уже не волнуясь.

В казарме в дыму, как и всегда, на полу и нарах сидели старые приискатели, но уже разговоры были не прежние. Говорил старик Качура и на полслове оборвал:

– А я те говорю – двинем... С такими, как Васюха и Борис Николаевич, можно...

У Качуры не было прежней землистой пелены на лице, а выпцветшие мутные глаза отличали старческим тяжелым блеском. И Василий узнал в нем прежнего бунтаря, организатора забастовок и руководителя приискового подполья.

Появление Василия с Яхонтовым ободрило Вихлястого. Он вытянулся по-журавьи среди казармы и, тыча в грудь одному из приискателей, начал доказывать:

– Качура дело говорит. Одни мы, конечно, – фу! А надо притянуть Баяхту и Алексеевский. Там есть наши, а остальные придут, когда кусать нечего будет. Вот мое какое мнение.

Василий с размаху сбросил шинельку и, ухватив Вихлястого поперек, под общий смех собравшихся закружил его по казарме.

А на нарах нежной кошкой прижималась к Никите Настя. На ее круглом красивом лице еще ярче, чем в первое утро встречи, выступали розовые лепестки, а васильковые глаза подернулись маслянистой поволокой.

Никита с озабоченным лицом одной рукой теребил свою кудлатую бороду и незлобно отстранял другую жену:

– Ты же баптистка, а я большевик.

Как подброшенная пружиной, Настя спрыгнула с нар и, сверкая глазами, срамила в шутку мужа:

– Не таскался бы за чужой бабьей стороной да не лакал бы на последние злыдни... Бревном стал за эти годы! И какой согрев от вас был бабам! Днем – нужда, вечером – голод, а ночью – ты, пьяная лыба! Поди кишки-то все переело самогоном?!

Будто ругала, а масляная поволока в глазах лучила ласку и тепло. Никита и все присутствующие любовались Настей. А она, будто в поучение всем приисковым мужикам, продолжала:

– Ты думаешь, от доброго все бабы без животов и, как бешеные собаки, цапаются на бездельных посиделках и ворожат на лесного? Да какая это жизнь? Ни тебе поесть, ни тебе одеться, а у мужиков думки в самогон ушли... А нашу бабью подмогу забыли в отделку! Партизанами скрывались – кто вас, язвенских, наблюдал? А пришли домой – и час от часу не легче.

Никита насмешливо шурил серые глаза и тянул ворчащую трубку.

Один из приискателей в шутку хотел ухватить Настю, но она ловким толчком отбросила его руку и еще пуще ополчилась:

– Не лапай, парень! Такой же хлюст! Поди, бросил не одну, а пачками, – по шарам видно! Гляди, парень, как бы твою мастерства щенят не подбросила какая сюда...

И залилась хохотом; сразу стала прежней Настей, веселой девицей, не дававшей себя в обиду. В крутое время партизанщины Настя была надежной связью с блуждавшим вокруг прииска отрядом.

– Чертова ты, Настя, баба! – заговорил Василий. – Да разве тебе в эту куриную слепоту играть на баптистских спевках, когда из тебя выйдет хороший женорг. Я еще и раньше знал, что голова у тебя на умном месте приделана.

Настя строго взглянула на него и уже прежним, обидчивым и неприязненным голосом подавила веселое настроение.

– Ты по себе и о себе, а бога не подтыкай! Твоему делу я не помеха, и ты мне не суй в рот, чего я еще не хочу.

– Да врешь ты, трепачка проклятая... Ведь только что судачила о бабьих собраниях... А, язва! Одно слово – баба.

Никита закурил трубку и подсел к приискателям.

Разговаривали чуть не до рассвета.

А после ужина, когда в казарме остались трое, Настя, греясь около Никиты, расспрашивала Василия о городских порядках, об отношении советской власти к религии и женщине.

В мерцающих сумерках под гул железной печи мирно текла беседа, и Василий ощущал теплое успокоение. Сон уходил, а мысли, сменяя одна другую, заворошились скопом. И не мог понять сначала, отчего не спится...

«А ведь Яхонтов прав! Эта односторонность и забота о навалившихся тяжелою горой делах (на завтра и многие дни вперед) вывернет хоть кого». Но другая, непрошенная мысль протестовала.

Вслух, не отдавая отчета, спросил:

– А что, эта Валентина Сунцова с перцем? Звезда, видать?

Настя фыркнула в его сторону смешком:

– Звезда-то звезда, да не про тебя... Напрасно прицелился... Смотри, как бы техник Яхонтов не сломил тебе лен.

И загадочно, по-бабьи, намеками, похвалами почти до утра дразнила любопытство Василия.

– Они с ним, с Яхонтовым-то, пара... Давно он подкатывает коляску, да не так девка скроена! Так и держит его, видать, на сухом... А он все глазенки проглядел. Вот антилигент и то краем обходится, а тебе эта зазноба не к роже, поди-ка, парень!

– А и черт с ней, – зевнул Василий. – Теперь не до баб.

– Ой, не ври! Ой, не морочь! Разве я не видела, как ты уставился шарами на нее? Но только напрасно, а, впрочем, кто знает нашу сестру?!

– Да дрыхните вы к черту! – огрызнулся Никита, перевертываясь на другой бок.

И оттого, что здесь рядом чувствовал Василий маленькое счастье других, избыток собственных сил и накопленных желаний окончательно отшиб сон. Он поднялся и начал рыться в сумке.

– Ты что это? – прохрипел Никита.

– Надо написать информацию в город, да вот инструментов не найду.

– Брось, завтра сделаешь!

Но Василий отыскал и подживил светец.

Пламя смолья беззвучно бросало косые лучи на темные стены казармы. Около дверей тенью отражалась крупная фигура Василия, склоненная над высоким обрубком, служившим столом и сиденьем.

8

Квартира Сунцовых состояла из трех комнат. Около кухни была столовая, в двух остальных жили хозяева. Здесь сохранились необыкновенные для того времени и порядок, и уют. В комнатах мебель из красного дерева. Фикусы поднимаются до потолка, на стенах портреты, северные пейзажи, написанные масляными красками, по углам громаднейшие маральи рога. Всюду чучела птиц, белок, полярных лисиц. На полу бурые медвежьи шкуры. В углу, в передней, целая пирамида разнокалиберных ружей, патронташей и лыж. А поправее – стена-гардероб. Здесь висят оленин дохи, песцовые тужурки, пыжиковые шапочки, несколько пар мужских и женских унтов.

В этом доме до семнадцатого года жил управляющий прииском инженер Стульчинский. Он был художник и сам устроил это уютное гнездо, но в революцию бежал с хозяевами и где-то в тайге нашел свой покой.

Рабочие не успели занять дом, и, может быть, потому он и сохранил былую важность, чистоту и чопорность. Но для Валентины Сунцовой этот дом с широкими итальянскими окнами стал черным склепом почти с первого дня приезда на прииск.

Вот уже два года, как она занималась одним и тем же: ела, читала, играла на пианино, проклинала вместе с братом и невесткой революцию и боялась большевиков.

По ночам, в жутком одиночестве, припоминала разгром гимназии, где засели юнкера, смерть отца на ее глазах и после вступления Красной армии в их город – бегство в тайгу...

В этот год она чувствовала какую-то недужную, старческую усталость. Жизнь была в прошлом, она не могла найти другой жизни в обществе невестки и приисковых баб, так как после бесед с Яхонтовым ни во что не верила.

Она только под утро задремала и проснулась поздно с головной болью. Слегка откинув песцовое одеяло на шелковой голубой подкладке, она потянулась рукою за открытой книгой. Все читано и перечитано десятков раз.

Валентина достала портрет.

Крупное, вдохновенное, дерзкое лицо и слегка прищуренные глаза под черными скобами бровей.

Как-то незаметно наплывали сравнения.

Чьи это глаза? Где она еще видела такие же глаза? Только почему они, «те» глаза, смотрели на нее, кажется, враждебно?..

Но и этот студент-юнкер – в прошлом. Он уже не существует...

Валентина встала и долго смотрела в круглое туалетное зеркало на свои полные, не тронутые ни одной морщинкой руки и налитые, точно выточенные, шею и грудь. В гимназии считали ее первой красавицей, и однажды на вечере она была признана королевой бала. Тогда это придало гордости, а теперь только усиливало сознание своей никчемности.

В зеркале массивными прядями отражались кудрявые черные волосы, откиннутые на обе стороны, и ослепительно белел прямой пробор. Как и всегда, на минуту залюбовалась своим лицом и блеском глаз. Забывала, что это ее глаза, хотелось, чтоб они были чужие.

Сегодня заметила, что потемневшие подглазницы подернулись едва заметными шелковистыми морщинками. Чувствовала, как сердце забилося чаще, а румянец щек стал бледно-желтым. С досадой тряхнула кудрями и отвела глаза от зеркала. Вспомнила, что давно уже не ухаживала за своим лицом.

«Да и зачем это?» – снова зашевелилась неотвязная мысль.

В это утро она поочередно перебирала все свои книги, альбомы и ни на чем не остановилась. От всего веяло далеким, невозвратным. Все в прошлом, а настоящего и будущего – нет.

Она наскоро оделась и хотела выйти в кухню. Вдруг около двери ее комнаты послышались шорох и борьба.

– Ты мерзавец! Окаянный! – неистово кричала Галина.

Маленькая женщина с изможденным лицом, как белка, скалила золотые зубы и со сжатыми кулаками наступала на мужа. А он в наглой улыбке растягивал рот, смеялся белками цыганских глаз и, уклоняясь от ударов, отступал в глубь Валентиновой комнаты.

Оба они были в спальном белье и босые.

Тощая грудь Галины лихорадочно колыхалась, на лице и шее выступили багровые пятна.

– Убью, негодяй! – шипела она и, ухватив венский стул, бросила им в мужа. Но Сунцов подставил руки, и стул рикошетом ударился в туалетный стол.

По гладкому полу гулко отдались брызги разбитого зеркала. Галина бросилась на пол и задергалась в истерических судорогах.

Валентина не испугалась, но в десятый раз за свою жизнь у брата испытала прилив жгучей обиды. Ноги ее подкашивались, а в горле застрял гневный, отчаянный крик. Она набросила на плечи олений мешок и, не глядя на брата, выбежала во двор.

«И это жизнь?» – думала она, торопливо шагая по мягкому снегу.

С пригорка был виден весь прииск. Над крышами казарм расстилался голубой дым и уходил к хребтам в тайгу. По прииску разными тропами двигались люди, и от того ли, что день был теплый, или потому, что Валентина плохо слышала, их разговоры были глухи, как из-под земли.

Еще не отзвенела утренняя заря. Где-то в сенях казармы рубили дрова. Звуки также тихо уходили ввысь, к темным вершинам горных гребней, и там мягко таяли.

У казармы золотничников Валентина почувствовала запах прелых стелек и жженого хлеба.

Около амбаров и внутри их бабы с кошельками на плечах в сорочьей тревоге осаждали Никиту.

Валентина едва поняла, что получают пайки, и тут же вздрогнула от ненавистного прикосновения чужих глаз.

Чей-то насмешливый голос глухой обидой толкнул:

– Недолго, барышня, на музыке брякать... Скоро в нашу компанию запишешься!

Оборванные, пропотелые, с истрескавшимися руками и лицами бабы тешились своей маленькой животной радостью. У них было что-то свое, непонятное ей. «Что случилось с ними?» Многих из них она видела на баптистских молениях с лицами, как у запуганных животных, а теперь эти лица озарены воскресным светом...

Из амбара сквозь дружеские толчки баб, задевая головой о дверную колоду, выскочил Василий.

Его рот растягивался от хохота, а лицо было набелено мукой. Отряхивая побелевшую шинель, он погрозил бабам кулаком и смело шагнул к Валентине. Она как будто только теперь пришла в себя и посторонилась, намереваясь уступить ему дорогу.

Их одинаковые глаза встретились в жгучем вопросе. Василий улыбнулся.

– Здравствуйте, товарищ Сунцова! Мы вас мобилизовали секретарем в наш распредел. Собирайтесь с духом и выходите на работу. Республика не терпит прогулов. А грамотные люди не могут собак гонять. Заодно и школу вам препоручаем...

Он сощурил глаза и, тряхнув головой, зашагал мимо.

Валентина, как прикованная, стояла на месте и, казалось, не поняла ни слова.

У амбара раздался бабий хохот, и опять тот же голос уколол глухой болью:

– Берегись, барышня, военные – мастера обхаживать вашего брата... А с брюхом приходи ко мне – сбабничаю не хуже кушерки!

Валентина повернулась и пошла обратно, пошатываясь, как пьяная. Не глядя на домашних, она прошла в свою комнату и только здесь припомнила встречу с Василием и его прищуренные глаза. Она порывисто подняла с пола портрет юнкера и долго всматривалась, ища сходства этих угасших глаз с живыми глазами Василия.

В комнату вошла заплаканная Галина. Она в запальчивости сунула Валентине желтую залапанную бумажку и, задыхаясь, присела на стул.

– Разбойники! Звери! Они нас разорят! Они! – Галина закрыла изуродованное морщинами лицо и снова задержалась в судорогах.

Валентина равнодушно прочла безграмотный текст самодельного ордера на конфискацию имущества и ниже приписку:

«А также гражданка Валентина Сунцова мобилизуется для работы в рудкоме и в школе, куда предлагается ей явиться к тов. Качуре».

А в самом конце – размашистая, неразборчивая подпись. Но поняла, что это подпись его – Медведева.

Труدمобилизация была объявлена в субботу вечером на общем собрании рабочих и служащих. Это второе собрание под председательством техника Яхонтова прошло спокойно. Он же докладывал и ближайший план предстоящих работ.

Тунгусников было немного, и те, видимо, пришли из праздного любопытства и желания подтрунить над медведевской затеей. После доклада было принято громкое решение: «Открыть работы воскресником. Не вышедших лишить пайка и жилища».

Утренний сбор был условлен в конторе, а после собрания секретарь Залетов составил именной список боровских жителей и улыбался в свою желтую бородавку, когда очередь доходила до тунгусников.

– Ваше социальное происхождение и занятие?

– Такое же, как и ваше, – отшибали те.

– Родились все из одного места, а вот крещены по-разному, – заметил в шутку Сунцов.

В этот вечер он был необыкновенно подвижен и даже услужлив. На глазах у всех он два раза подходил к Василию и дружески заговаривал с ним.

Старые приискатели перемигивались при этом.

– Смотри, как подсекает...

– Без мыла прет...

– Вишь, как скоро взял тон...

Утром, в серые сумерки, в первый раз после трехлетнего молчания зазвонил приисковый колокол. И будто дрогнула тайга от давно не слышанных звуков. В ответ медным звоном запело эхо в хребтах.

День был теплый, на дворе пахло талым снегом. Удары колокола мягко дрожали над прииском и где-то в лесах падали, затихали.

Около конторы густо собирался народ.

Бабы отдельным колком, как тетерева на току, будоражили утреннюю тишину. Мужики пыхали трубками и сигарками. Некоторые записывались у Залетова и разбирали сваленные у конторы кайлы и лопаты.

– Рваная армия труда, – сказал Яхонтов, обходя кучки собравшихся. Глаза его горели непотухающими угольками, а губы растягивались в улыбке.

И чувствовал себя опять так же, как раньше – на разбивке.

Вот первый штурм, к которому он готовился с начала приезда на прииски. Сотни рук сегодня сделают первый толчок в мертвые недра, правда, еще холостой толчок, но важна репетиция.

А репетиция удалась: почти все приисковые мужчины и женщины высыпали из своих закоптелых казарм.

Секретарь Залетов захлопнул испачканную тетрадь и подошел к Василию с открытыми от улыбки зубами.

– Все собрались кроме шпаны, – и отмечать нечего! – сказал и раскатисто рассмеялся.

– А ну, постройся в два ряда! – крикнул Василий и вытянул руку, указывая фронт.

Приискатели один за другим начали примыкать. Неумело и от этого забавно подражали военным; у большинства бродни задрали кверху рыжие утиные носы, а на головах – не шапки, а лохмотья звериных шкур.

Женщины одной скученной фалангой слева беспорядочно топтались и галдели в споре за места.

Мужчины пускали колкие смешки:

– А ну, подравняйтесь, бесштанная команда...

– Эй, женский батальон!

Василий прошелся вдоль по вытянувшейся шеренге. В глазах у каждого чувствовалась скрытая радость. У Василия сильнее стучало сердце.

В стороне строились подростки. В реве детских голосов слышался весенний гомон и молодой задор.

Солнце еще не поднялось над хребтами, когда разрозненные кучки людей двинулись к мастерским. Василий пошел впереди и первый ударил лопатой в сугроб.

В конторе и клубе заправляла Настя.

Подоткнув высоко подол и громко шлепая голыми пятками по полу, она расплескивала направо и налево бурный поток своих слов:

– Эй, почище, бабочки...

– Вот тут дресвой прихватите!

– Не для кого-нибудь, а для себя, бабочки!..

Бабы наперебой бросали ей колкости и вечное недовольство:

– Ой, для себя ли?

– Да она-то для себя глотку дерет, а нас-то тут и не увидишь.

– Вишь, команду какую взяла, – как муж, так и жена.

– А как же? Где болото, там и черт, это обязательно!

– Вот все у нас так... Давно ли к бахтистам нас суматошила, а теперь в комунию волоклет.

– Это уж, как наповадится собака за возом бегать, хоть ты ей хвост отруби, а она все свое...

– Ой, не грешите, охальницы, – заступались другие.

Солнце клонилось к паужину. С юга, с гор, тянул легкий ветер. Кучки рабочих, захватив равные участки, отходили все дальше и дальше.

Валентина, в оленьей дохе и унтах, неумело долбила лопатой снег и мешала Качуре с Яхонтовым. Их участок оставался белым островком.

Рабочие обидно посмеивались:

– Ну, ну, нажимай, антилигенция!..

– Вишь, собрался битой да грабленой и плетутся на козе.

– Эй, богадельщики!

– Лопатка-то, видно, не музыка... На ней не так завихаривает барышня!..

Другие степенно унимали:

– Да бросьте вы, трепачи... Вишь, деваха и так разомлела, как паренка в печке... Дай, привыкнет – нашим бабам пить даст... Силы-то у ней, как у ведмедицы. Вон как сложена... Выгуль девка!

– А дух из ее вон!

– Пусть поработает за всю свою породу!..

Василий, смахивая пот со лба, подошел к Валентине.

– Что, упарились, товарищ Сунцова?.. А ну-ка, давайте я...

Он взял у нее из рук лопатку и весело заглянул в глаза.

– На первый день с вас хватит... Садитесь, отдохните, а мы dokonчим этот клочок.

Ударяя раз за разом, он разбил на куски снежную глыбу и, выкидав наверх комья, свалился, обливаясь потом, в кружок к женщинам.

– Куча мала! – крикнула Настя, вскочив верхом к нему на спину. – Вот же конь гулялой!

– Он двадцать пудов поперет и не крякнет.

– Здоров, якорь его возьми, как листовяжный пень! – смеялись приискатели.

Старшие драгеры поднимались и, вскидывая на плечи заблестевшие на солнце лопаты, направлялись к конторе.

– Шабаш!

И так же, как утром, рабочая армия с веселыми криками возвращалась к кладовым, стуча инструментами. Василия догнали Качура и Вихлястый. Оба они, с обмытыми потом лицами и горящими глазами, заговорили вперевод:

– После такого воскресника не мешало бы ребят побаловать.

Голос Вихлястого звучал невзрастенически-радостно.

– Да и не квасить ее нам, – поддержал Качура, суетливо поспевая шагать за Василием. – Только народ она дразнит!

– Да о чем вы толмачите? – недоумевал Василий.

– Как о чем, самогонки-то у нас ведерок двадцать, поди, будет? У мужиков-то отняли! – наклоняясь, шепнул Вихлястый.

Василий, дернув головой, засмеялся.

– Сейчас же выльем вон, чтобы не воняло ею на прииске.

Вихлястый и Качура враз кинули на него испуганные взгляды.

– Да ты чего, облещачил, парень? – обидчиво заскрипел Качура упавшим голосом. – Ведь здесь тайга, а не город. Там тоже – из рукава, а тянут! Зачем растравлять людей? Они кабы не знали про это...

– Выдать, конечно, – отчеканил за их спиной голос техника Яхонтова.

Василий с удивлением взглянул на него и приотстал, выравниваясь.

На упрямом лбу Яхонтова не было обычных складок, и черные глаза не прятались в глубокие орбиты.

– Вот и я говорю тоже, – обрадовался Качура, – ведь не для пьянства, Борис Николаевич, а так, чтобы добро не пропало зря. И наряду будет веселее.

– Ясно! – поддержал Яхонтов. – Если мы не выдадим, то они сами возьмут и правы будут.

Василий расхохотался.

– Чудаки! Вам самим хочется нутро смазать... Ну, я же не возражаю! Правду говорит Качура – тайга... А сегодня мы заработали по хорошей баночке. Но только это в последний раз.

На крыльце конторы их поджидала кучка рабочих и баб с Никитой во главе.

– Порцию, начальство! – крикнул кто-то с задорным смехом, и за ним раздались десятки осипших, пересохших голосов:

– Порцию!!!

Толпа в тесной давке нажимала на крыльцо, обтаптывая друг другу ноги. Жарко дышали груди.

– Вот, видишь, – толкнул Яхонтов локтем Василия. – Все в курсе дела. Грамотный народ!

Василий так же, как и утром, протянул руку.

– А ну, подравняйся!..

И когда ряды вытянулись и закачались зигзагами, как туловище большого змея, он вскочил на крыльцо.

– Товарищи! Мы сегодня в первый раз ударили по тяжелой разрухе... И здорово трахнули... Поэтому ничего не будет пакостного, ежели смочим загоревшую утробу. Но только вперед – к чертовой матери эти порции! От них воняет старым дурманом.

Над тайгою спускался тихий теплый вечер, и чуть слышно шумела дубрава. С гор легкий ветерок приносил смолистые ароматы.

9

Вечером, когда Валентина вернулась с воскресника, она застала дома большую сутолоку. Со стен были сняты все ценные вещи и свалены в кучу. Галина с прислугой и несколько человек тунгусников увязывали их в узлы.

– Сегодня мы уезжаем на Калифорнийский прииск, – с расстановкой сказал Сунцов и в упор взглянул на сестру красивыми цыганскими глазами.

Но Валентина без малейшего напряжения выдержала этот взгляд и так же коротко ответила:

– Я мобилизована на работу и никуда не поеду!

– Ты что же, решила подыхать на пайке с этой шпаной и подвергать себя разным домогательствам со стороны этих карманщиков?!

– Останусь, – твердо ответила Валентина, – надоело! Тебе ли чернить других.

Сунцов не то в испуге, не то в злобе беззвучно шевелил побледневшими губами. Так она еще никогда с ним не говорила.

К Валентине дробно и виновато подбежала сухощавая, жалкая Галина.

– Ну, Валечка, ты прости... Прости нас... Ведь какие бы ни были, а мы все же родные, Валечка. Если бы жили в городе и была бы наша власть, то этих гадостей, может быть, и не было бы...

Она, всхлипывая, склонила маленькую голову с измятыми, как изжеванная солома, волосами на грудь Валентины и в судороге причитала:

– Ты думаешь, мне, ему легко расставаться с этим гнездом? И опять ты... Ведь он один у тебя брат! Вас двое на всем свете.

Валентина отвела невестку в сторону и усадила на мягкий, обтянутый шевро диван.

– Опять же, ты знаешь, я беременна, и придется быть одной среди тайги, – тянулась к ней руками Галина. – А мы бы прожили год какой и, может быть, в город переехали, а там тебе и в университет можно.

Валентина встала и прошла в свою комнату.

– Ну, подумай же, Валя, – не отставала от нее Галина. – С разбойниками... Ну, с людьми, которые оплевали даже самого господ бога и ограбили весь мир. Неужели же тебе не страшно оставаться с ними?!

– Нет, – решительно сказала Валентина. И насмешливо, укоризненно взглянула в изуродованное лицо невестки:

– Чудная ты, Галина! Какая разница?... Вернее, большая разница: они грабят и мы с Евграфом грабили... Мы – для себя, они – для всех.

– Милая Валечка! – вдруг припала к ней на грудь Галина. – Я и сама бы не поехала, но куда я – урод, больная? Ты сильная и умная, а я...

Она смахнула слезы и уже твердым голосом спросила:

– Ты у него, у Яхонтова, остаешься? Какая он светлая личность! Какой обаятельный человек. Я бы с ним напоследок... Ну, понимаешь, хотя бы последние дни с ним...

– Вот глупости ты городишь, – остановила ее Валентина. – Я остаюсь просто работать. И не так уж страшны они, как мы представляли.

Она вытянула перед собой руку и сжала ее кольцом. Около плеча вздулся упругий бугор.

– Вот видишь? А знаешь, как приятно поломаться на работе, и мне кажется, я привыкну скоро к ним.

На дворе заскрипели сани.

– Вот скоро и ехать, – сказала Галина. – Знаешь, с нами едет тридцать семей... Ты бы передумала?

Валентина опустила голову на ладони и тихо сказала:

– Нет! Да и для тебя же хуже будет, если я поеду...

В комнату вошел Сунцов и несколько человек тунгусников.

Они поспешно выносили имущество. Евграф в нерешительности постоял около дверей, но подошел к женщинам развязно.

– Ну-с, собирайтесь! – сказал он. – А ты, Валя, брось из себя революционерку разыгрывать. Если желаешь испортить себе жизнь, то – пожалуйста... Но только напрасно... Мы тебе не враги. И не думаешь ли ты, что здесь будут дорогие работы? Ерунда! Вот какой-нибудь месяц... и они останутся без хлеба. А время-то уже уходит – летом сюда ничего не завезешь.

Помолчал немного и задумчиво добавил:

– Дураки: верят разным Медведевым и Яхонтовым.

Валентина снова, как в первый раз, взглянула на брата, и Сунцов понял, что его доводы только укрепляют ее решение.

Валентина молча поцеловала невестку и, не оглядываясь, вышла на улицу. Падая мягкий сырой снежок, застила темные обледеневшие дорожки. На прииске вперекличку хрипели испорченные гармошки и слышались подпевающие голоса: это куча приискателей гуляла после выпитой порции.

Квартира Яхонтова находилась на самом конце прииска, под горой. Из низких окон казармы лучился слабый свет. Мелькали тусклые тени людей. Подходя к двери, она услышала легкий шорох на пригорке и остановилась с занесенной рукой.

«Уехали, – мелькнула мысль. – Ну да, уехали, и с ними ушло все прежнее». И удивилась своему безразличию.

С Яхонтовым она не видалась с глаза на глаз с того времени, когда у мужиков были отобраны продукты. Раньше он часто заходил к Сунцовым и просиживал долгие зимние вечера. Женщины привыкли в нем видеть умного, но неряшливого человека.

Валентина в первый раз была у него, и, может быть, поэтому Яхонтов, откинув назад свои черные завившиеся волосы, начал суетливо приводить в порядок комнату.

– У меня и посадить-то вас не на что... Да вот – можно сюда... В шахматы сегодня не сыграем? А я ведь думал, что вы наломались и спите теперь как убитая.

От его простоты и задушевного голоса Валентина чувствовала облегчение. И все здесь было как-то до примитивности незатейливо и грязно. На столе, залитом чернилами, – кривая стопа книг. Рядом шахматная самодельная доска и покрытый слоем сажи эмалированный чайник. На стенах оружие, лыжи, чертежи и фотографические карточки.

В углу сквозь решетчатую перегородку скалила белые зубы острорылая, похожая на пса, собака. Она била хвостом о таловые прутья и ласково рычала.

В этой обстановке был весь Яхонтов. Лучшую обстановку за всю свою тридцатилетнюю жизнь он едва ли видел и редко был недоволен тем, что имел. Валентина знала, что он из бедной семьи выбился в технологический институт, откуда был исключен за «беспорядки».

– Вот этих вы еще не видели, – сказал он, указывая на две рядом стоящие фотографии. – Это моя мать.

Женщина с выпуклым лбом (таким же, как у Яхонтова) смотрела на нее задумчивыми и колкими глазами.

– А это вот?

Валентина взглянула на вторую фотографию, с которой на нее смотрело лицо молодого студента в форменной тужурке и фуражке с техническим значком.

– Какое поразительное сходство! – почти вскрикнула она.

Яхонтов грустно улыбнулся.

– Это вперед ссылкой, когда все зеленю пахло, а теперь вот весь мохом оброс.

Он ловко подкинул в железку дров и зажег лучину.

– Так вы из-за ссылки и не кончили институт? – спросила она, не отрывая глаз от фотографии.

– Так не кончил... Да что об этом теперь вспоминать!..

Его всегда ровный голос, как показалось Валентине, дрогнул.

– Теперь об этом и помышлять не полагается, видите, какая тряска?

Он налил в чайник воды и поставил его в дверку железной печи.

– Выпьем чаю, – сказал он, подбрасывая на огонь щепки. – Да, кстати, сообщу вам новость: мы на днях пускаем паровой молот.

Валентина обвела взглядом комнату и только в этот момент вспомнила, что с раннего утра ничего не ела, Она прошла и, к удивлению Яхонтова, начала прибирать у него на столе.

А за чаем рассказала об отъезде брата и долго рыдала, припав головой к столу. Яхонтов дружески, нежно гладил ее волосы.

В окнах уже показался рассвет, когда Валентина ушла. По прииску в предутреннем тумане мелькали и таяли бесформенные фигуры людей. В горах подобно мельничному колесу шумели леса, и было слышно, как, поднимаясь с ночлега, перепархивали птицы.

10

Через несколько дней после воскресника на Боровом задымились мастерские. Теплый ветер рвал черные клочья дыма и уносил их к горным вершинам. По наковальням задорно стучали молотки.

Яхонтов с частью рабочих топтался около машины. С самого утра и до темных сумерек перетирал он проржавелые части и примерял их на свои места. С испачканным лицом и растрепанными волосами, в одной длинной рубахе, он не ходил, а бегал, волновался и кричал на своих помощников. Качура, с сонным лицом, но легкий и возбужденный, гонялся с железным прутом за ребятей, которая галочьим гомоном глушила мастерские.

– Ах вы, шелекуны, ядят вас егорьевы собаки! Я ж вам покажу кузькину мать!

У драг кучки ссутуленных рабочих выворачивали глыбы снега, точно щипали громадную птицу.

Вокруг станков громоздилась сваль ржавого железа, и тут же красовались натянутые, выкругленные, уже готовые в дело прутья.

Вихлястый, длинный, как журавль, раскачиваясь, бросал снег и кричал сверху вниз тонким бабым голосом:

– Мотырнем, Васюха! Не будь мы сукины дети, мотырнем дело! Вот только ремонтирую посудину заново... Баяхту, Ефимовский, Алексеевский возьмем... Истинный бог!

Подгнивший черен треснул в руках. Драгер покачнулся и сел в мягкий снег.

Рабочие рассмеялись:

– Вот чертолом!.. Его выбирали в рудком, а он тут снастину корежит.

– Не сидится, чертяге, за письменным столом...

– Свички еще не взял! Обожди, расчухает!

Василий тряхнул обнаженной головой:

– Надуйся, надуйся, Вихлястый! Дергай до отказа!.. – И тут же впрягся в розвальни, нагруженные железом...

Кто-то запел по старинке «Дубинушку». Десятки голосов подхватили, и розвальни, со скрипом буровя снег, пошли вперед.

Тайга зычным эхом вторила Боровому. В ответ кузнечным мехам и молоткам шмелиным гулом и отрывистым визгом отзывались горы. Василий от розвальней бежал к конторе, на ходу смахивая пот с грязного лица, и в шутку бросал в снег подвернувшихся рабочих. А вслед ему кричали:

– Вот зверюга!

– Самого лешака изломает!

– Выгулялся, как конь, лешачий сын. – И бежали за ним, задыхаясь, как одержимые. На обратных розвальнях везли бочки с водой и дрова для паровика.

Все знали, что скоро, может быть, сегодня, застучит и оглушит тайгу паровой молот.

Василий и Яхонтов понимали, что пуск парового молота – это только репетиция на неделю-две. Но и того было довольно на первый случай... Ведь от парового молота будет зависеть успешный ремонт драг и инструментов.

Машина, обследованная Яхонтовым, оказалась в полной исправности. Проржавели только некоторые части. Смазочные материалы Никита нашел в кладовой – две бочки. По расчетам Яхонтова, их должно было хватить на месяц.

– Ну как, скоро? – спрашивал Василий.

– Движемся, – отвечал Яхонтов.

...Приближался вечер. Над вершинами хребтов медленно плыли клочья разорванных облаков. В мастерской слышалось шипенье пара. Дроворубы, водовозы, драгеры, кузнецы и

слесари побросали работу. Бабы и ребятишки выстроились в стороне и, толкаясь, подвигались ближе. Загрохотал мотор. Звуки его ударили радостной болью. Толпа заревела, но крики в тот же момент потонули в грохоте первых ударов молота. Стены мастерских и крыша заколыхались. Из щелей запылил снежный пух. Гулкой сиреной отозвались вдали таежные хребты.

Яхонтов показался из дверей весь запачканный, с помутившимися глазами, но улыбающийся. Василий молча поймал его испачканные руки и размашисто потрянул.

11

Утром, в тихие сумерки рассвета, Никита разбудил Василия от крепкого сна. Быстро, по военной привычке, тот вскочил на ноги и долго щурил глаза.

– Да ты чево, как ошпаренный, кидаться-то – удивленно отступил Никита. – Вот тут Качура полуношничает и другим спать не дает!

Качура, с пьяным от бессонницы лицом и серебряным клоком на плешивой голове, еле маячил в темноте у порога. Ему в последнее время действительно не спалось от навалившихся забот.

– Уволь, ядят тя егорьевы собаки, – взмолился он, подходя к Василию. – Удаться рад от твоего распеда... Есть молодые... У них черепок покрепче... А меня на работу снаряди!

Василий недоумевающе посмотрел на старика.

Качура уселся рядом с ним на нары и сокрушенно опустил голову:

– Пусти в мастерские... Душа болит, окаянная!.. Запутаюсь я здесь в бабьих подолах... Ядят их егорьевы... И опять я тебе скажу, что харчей у нас скоро того... А дорога, не выдаючи, обманет, Васюха... Опять же и коней нет, а на человечьем горбу сани не навозишь...

Последние слова старика, как удар грома, обрушились на Василия. Увлеченный работой, он забыл о постоянной угрозе бесхлебья. И только теперь вспомнил об упорном молчании треста на письма и проекты рудкома. Время уходило, с каждым днем становилось теплее.

– Никита! Крой за Яхонтовым и Вихлястым на заседание, – крикнул он. – А ты, Качура, заткнись и не трепыхайся, старый супостат. За такие дела республика к стенке нынче ставит. Это же саботаж, волк ты таежный, не забывай.

Качура часто мигал мутными глазами и грустно покачал головой:

– Да разве я... В мои ли годы?.. Ах, ядят тя егорьевы собаки...

Ну, в мастерские не гоюсь – сторожем поставь, а только... от конторы уволь, запутаюсь я там в бумажной паутине!

Василий, не отвечая старику, оделся и вышел из казармы. В сероватом мороке одинокие фигуры рабочих дымили трубками и тянулись к мастерским. И в этот же момент послышался гудок паровика.

– Чертова машина!

Василию вдруг стало обидно, что ни трест, ни городские власти не обратили должного внимания на восстановление приисков. Ведь государству теперь, как никогда, нужен золотой фонд.

На крыльце конторы его встретил Вихлястый. Лицо драгера было измятое, болезненное, рыхлое.

– Ты чего, язви те в три дыхала, суматошишься? А мы там с техником Яхонтовым кое-что навернули... Ну, брат, и Чертолом он! Глаза, смотрю, на лоб лезут, а он крутит и крутит... С таким работать – в могилу загонит раз-раз... Ей-бо!

Вихлястый повернулся на длинных журавлиных ногах и зашагал к конторе. Василий заметил у мастерских Яхонтова.

Техник шел неторопливо, усталой походкой. Из-под шапки блестел упрямый овал лба.

– Знаю, какая чертовщина тебя укусила! – сказал Яхонтов. – А сметы у меня уже готовы – только утвердить и переписать.

– Вот-вот, – улыбнулся Василий.

В конторе было чисто и даже уютно. Секретарь Залетов, смеясь, вытянулся в струнку и приложил маленькую руку к рваной солдатской шапчонке. Невзрачная фигура его показалась еще смешнее.

– Все честь по комедии, вашство, – зашепелявил он. – Приказ выполнен на всю сотню процентов. Вот только дров ни полена, а штаны до колена.

Василий не улыбнулся, как этого ждал Залетов. Он сосредоточенно взглянул на Валентину и подошел к ее столу.

– Это хорошо, товарищ Сунцова, что вы не ломались. Вы нас не бойтесь... У нас рожи и дела страшны, а сердца горячие, как огонь! Опять же, если мы вышибем кое из кого блох, то это на пользу республике. Времена такие пришли, ничего не поделаешь.

Валентина, не глядя ему в лицо, чуть улыбнулась углами губ.

– Да я и не боюсь вас, – твердо сказала она, – откуда вы это взяли? Вот только канцелярии вашей я не понимаю...

Василий смело сжал ее руку повыше локтя и засмеялся:

– Чудачка вы, товарищ Сунцова! Неужели вы думаете, что на этой работе мы вас будем держать? Это чушь! Вот вернемся из города и завернем такую культработу, что тайга охнет. Заказывайте в город поклоны.

Вопрос о поездке в город Василия и Яхонтова был решен в несколько минут, но Яхонтов и Качура задержали Василия почти до вечера.

– На крупу шибко не налегай, будь она неладна, – внушал Качура, – смекай капусту побольше ухватить. Да насчет частей к машинам обтяпай – старые-то подведут, как вешний лед. Выгорит, не выгорит, а докука не беда.

Яхонтов старательно записывал замечания Качуры.

– Обувь и одежда для рабочих, материалы для оборудования драг и мастерских...

Только к закату солнца была окончена работа. В контору незаметно для всех вошли Никита и маленький, почти квадратный старик.

– Вот ямщика выкопал, – сказал Никита, обращаясь к Василию. – Это Лямка, вечный забулдыга и кучер – дай да мало. Ты его должен помнить!

Старика прозвали Лямкой, видно, за то, что он сорок лет гонял вольные. У него не было ни одного зуба. Лямка придерживал рукой самодельную трубку. Он жил на зимовье в пяти верстах от Борового, работая на паре лошадей. Это было редкостью на приисках.

– Капель с крыши понужат, – усмехнулся он, отряхивая снег с курносых валенок. – На солнцепеках пригревает, аж уши млеют.

Залетов, проходя мимо, нахлобучил Лямке шапку на глаза и дернул за нос.

Старик укоризненно взглянул на секретаря:

– Хе! Дурочкин полюбовник. Ишь, поглянулось... Ты бы лучше свою бабу за хвост чаще дергал, а то она все пороги обила на Боровом...

И, помахивая тонким кнутом, он повернулся к Василию:

– Надо бы скорее, а то дорога может спортитца... Дай бы бог сегодня до Ефимовского дотянуть.

Выехали только утром на второй день.

Дорога шла по Удерке. Лямка зорко осматривался по сторонам. Он указал рукой на видневшуюся вправо полынью:

– Тут, брат, ухнешь – и поминай как звали. Проворонили вы времечко, ребята... Ежели недельки две-три постоит от силы, а там жди распутицы... Борони бог, без продукта останется народ – как зверье, попрет с прииску, и ничем не остановишь.

И Лямка предался воспоминаниям:

– Это было в пятом году, на Ефимовском, когда ухохорили самого и доверенного... Я только и видел, как Тимка-шахтер колотушкой дрызнул хозяина... А делов же, делов было опосля – не оберешься... Меня три раза в окружной заматали... Но не грешен – свою братву не выдал.

– Слушай, Лямка, – оборвал его Яхонтов. – Ведь, говорят, из-за тебя и ушли забастовщики на каторгу? Это ты и есть – ефимовский холуй?

Лямка испуганно снял шапку и перекрестился:

– Вот лопни глаза, товарищ техник, ни одного не утопил...

Ну, жил я у них, так что же тут такого?

Яхонтов рассмеялся и мигнул Василию:

– А вот есть же такие слухи, говорят, недавно у тебя было что-то с ефимовской дочкой.

Лямка вытер рукавицей рыжую жиденькую бороденку и, в свою очередь, покатился дряблым циничным смехом:

– Пустое звонят... Вот ежели бы годов десяток назад...

Лямка сдержал лошадей и, обернувшись к седокам лицом, закурил трубку:

– Вы только не болтайте, – шепнул он, прищуриваясь.

– Ну, кому-то нужно трясти эту рухлядь, – уверил его Василий.

И Лямка начал сначала почти шепотом, а затем все громче и громче:

– Это я в прошлом году, когда Натолий, сын-то ихний, не приезжал еще из города...

– Ну, ну?

– Да, старуха мне и говорит, – приезжай, грит, Лямка, помоги Глаше сено вывозить... Я, говорит, золотишка дам и муки. Ладно, говорю, Липистинья Семеновна, на той неделе прибуду, а на этой-то не слажусь... Ну, в субботу это я помылся в бане, а в воскресенье под вечерок запрет и поехал. Приезжаю. Наладил ихние санишки: передовики все пригнал в плипорцию... Девка, это Главдея-то, во дворе балуется со мной, то ногу подставит, то в снег толкнет.

– Ну а ты что? – хитро улыбался Василий.

– А что я?.. Брось, говорю, девка, не ровня я тебе... Не перед добром ты... Вечером это, после ужина, все пела, пела, а потом как заревет и бац... на кровать! Старуха ее водой... тем, этим. Вот, думаю, притча случилась – добаловалась, А утром, братец ты мой, поднялась, как стрепанная... Запряг я, а она опять балуется... Я, грит, Лямка, тебе на воз подавать буду. Приехали мы это с ней. Я начинаю оскребать снег с зарода, а она опять за свое. Сзади схватила и валит меня в сено... Што ты будешь делать?

– Ну и свалила?

– Свалила, братец ты мой, и давай лапать за непоказное место.

У Василия от хохота вздувались жилы на висках, а Яхонтов перегнулся через грядку кошевки.

Лямка, довольный, что угодил пассажирам, повысил голос:

– Что ты, говорю, бесстыдница, делаешь, ведь нехорошо так барышне-то... Со своей старухой, говорю, пять лет никакого греха не имею. И так насилиу отбил. Быть бы греху!.. А вечером и говорю старухе... Липистинья, говорю, Семеновна! Глашуха ваша совсем назрела, изморь просто, говорю, берет... Замуж надо ее! Вам бы в доме работник, а то все разваливается, опускается, хомутишка путного не осталось в доме. Да за кого, говорит, Лямка, отдашь-то нынче?.. За шахтера не пойдет, а антилигентной публики нынче на прииске уже не стало. Она, говорит, ведь хозяйская дочка – за енерала, говорит, годилась бы. Ну так и ничего. Уехал я, а на пасхе приехал сын ихний, Натолий... Посылают ко мне за винишком... Привез я, подвыпили и разговоры начались. Почему, спрашиваю, Натолий Ефимович, из городу бог понес, рази места там нет?

Лямка сощурил хитрые глаза:

– Он, братец ты мой, к-э-э-к соскочит со стула, да кэ-эк брякнет кулачищем по столу! Молчать, говорит, халуй моего отца! А я ему наперекор говорю: теперь, говорю, халуев нет, товарищ прапор – ваше благородие... теперь советская власть. Б-а-а-а-а-а ты мои, как поднялся, поднялся он! Да, говорит, власть теперь варначья... Весь Хитрый рынок заправляет государством. Да, говорит, я офицер, и не хочу служить этой шайке даже ахтером. Пошел,

пошел и договорился. Сестру свою, говорит, не отдам за хама, сам буду жить с ней, а кровь свою мешать не желаю. Старуха ему: опомнись! А он пуще, а он пуще... Ну, в добрый час, говорю ему, а сам за шубенку – давай тягу давать. Чуть-чуть не наворочал в рыло, стервец!

...Дорога пошла на покать к ручью. Лямка ловко подстегнул лошадей и замурлыкал песню.

Тайга шумела по-весеннему. С ветвей деревьев летели комья подогретого солнцем снега и шлепались на дорогу. Звон колокольцев певуче сливался с таежным шумом.

Солнце опускалось за темнеющие вершушки хребтов, и на дорогу едва проникали его слабые лучи. Под ногами у лошадей и под полозьями звонко колелся и похрустывал застывающий ледок.

Дорога пошла шире, и на пути начали попадаться подсоченные сухостоины и глубоко проброшенные следы.

– Три брата здесь держат зимовьишко, – пояснил Лямка. – Вот уже на четвертый десяток пошло, как поселились тут.

Вправо, между деревьями, мелькнул красно-матовый тусклый огонек. Послышался разноголосый собачий лай. Лямка остановил лошадей у низкой двери избушки.

В зимовье в эту ночь был только один постоялец, эвенк Ахтилка, который за триста верст пришел за хлебом. Ахтилка сидел на нарах, подкорчив под себя ноги, курил трубку. Из его узких глаз текли мутные, смешанные с гноем слезы.

Зимовье было устроено плохо. Это была простая, неотделанная избушка с нарами, с продырявленной железной печью. Из широких пазов по всем стенам висели клочья моха и сухой пожелтевшей травы.

Избушку построили три беглых каторжанина, которые летом занимались хищничеством, а на зиму приходили сюда для приобретения запасов. Теперь их осталось всего двое. Один из них, Емельян Задворов, был высокого роста, смуглый, сутулый и очень разговорчивый старик.

Второй «брат» – старик небольшого роста в тонких броднях и широченных шароварах. На голове его вился куст серо-пепельных волос. Во всем лице и больших черных, когда-то очень красивых глазах была странная мечтательность. Старик был чеченец и не любил, когда вспоминали о Кавказе. В таких случаях он уходил куда-нибудь в лес и возвращался унылым и разбитым.

Лямка об этом предупредил Василия и Яхонтова.

– Вы об Капказе нишкните, задурит опять!

Чеченца в здешних местах прозвали Исусом, а настоящего своего имени он никому не говорил. У него с Лямкой была большая дружба. Они когда-то в молодости работали в забое и теперь при встречах вспоминали прошлое время за чашкой самогона.

Сегодня Исус, видимо, опасался угощаться в присутствии посторонних и перед чаем, мигнув Лямке и Емельяну, вышел во двор.

Василию, отвыкшему от тайги, казалось, что он попал в притон разбойников. Он зорко следил за каждым движением Емельяна, посматривал иногда и на Яхонтова, желая узнать по его лицу, как он чувствует себя. Но Яхонтов, склонившись на руку, уже храпел.

На дворе поднялся сильный ветер. От его порывов трещало дранье и с деревьев падали сухие сучья, громко стучаясь о стены и крышу зимовья. Тайга шумела буйно, угрожающе.

Ахтилка приподнялся с нар. Закурив трубку, он тихо, гнусаая, запел, растягивая гортанные звуки. С улицы вперемешку с ветром доносились глухие голоса. Ветер со свистом врывался в щели.

Василий толкнул Яхонтова в бок, но техник прошлепал губами и повернул лицо в другую сторону. Тогда Василий тихо подошел к двери и прислушался.

Глухой, надтреснутый голос Емельяна бросал на ветер обрывки слов:

– Царю не служил и этим не желаем... Наше дело – р-раз и бабки на кон! Тайга спокон века была для бродяг... А Еграшка теперь свой брат... Всех надо сажать на перо, кто хочет захватить тайгу. И этих ты зря повез... Ежели бы не ты – амба! Надо выводить вошь, покуда не залезла в кожу... Ах ты, старый хорек, кур прозевал! Главное – одежда, а может быть, и золотишко везут...:

– Дурак ты! – возражал Лямка. – Был сукин сын и до гробовой будешь.

Василий разбудил Яхонтова и вынул из кобуры маузер.

Скрипнула дверь, и слегка вздрогнули стены зимовья. В избушку вошел весь в снегу Исус.

– Малёнько холодно, – сказал он сильно заплетающимся языком. – Малёнько топить будем.

Наклоняясь за дровами, Исус потерял равновесие и ткнулся головой в печную трубу. Печь с грохотом слетела с высокой каменной плиты, рассыпая по зимовью клубы искр. Изба наполнилась едким дымом.

Василий с Яхонтовым выскочили на двор, увлекая за собой старика и Ахтилку. Ворвавшись в открытую дверь, ветер подхватил с пола огонь и рассыпал его по высохшим пазам.

– Эка напасть случилась... Спужался, аж ноги дрожат. Борони бог! – кричал Лямка.

А когда отъехали несколько сажень, вслед послышался отчаянный, угрожающий крик Емельяна:

– У-у, ломай вас, сволочей! Ироды!

Губернский город нельзя было узнать. Улицы, базары и магазины теперь кипели торговой деловой жизнью. На углах кварталов китайцы, раскинув ларьки и просто коробки, наперебой зывали покупателей.

Семейные в балаганах кормили русских жен репой и жареной печенкой. И тут же извозчики, помахивая кнутами, охорашивали запыленные, только что извлеченные из подвалов и сеновалов экипажи.

Василию показалось все это странным. Уезжая на прииски, он оставил город в звуках военных барабанов, оркестров духовой музыки, с толпами, марширующими на воскресники, собрания и митинги. А теперь вот даже красноармейцы по тротуарам большой улицы и по барахолке шляются с накрашенными нарядными женщинами.

– Распустилась крупа! – выругался он вслух.

Злобное удивление вызывали толстые туши нэпманов и их жен.

– И откуда, скажи, появились эти налимь? – бурчал он. – Раньше нарочно не увидишь их... Неужели за это время так отожрались? Ну, скажи, как же скоро они повылазили из своих нор. Вот свинская порода!

Яхонтов рассеянно улыбался и, будто не слушая его, изучал витрины больших магазинов.

Они шли на заседание в трест, где Яхонтов должен был сделать доклад о плане эксплуатации приисков.

Обросший, в оленьей дохе и унтах, он чувствовал себя плохо среди важных инженеров. А они с достоинством и едва уловимой насмешкой щупали приискателей глазами.

Управляющий, высокий и очень худощавый человек в пенсне на искривленном тонком носу, был уже на своем месте. Вокруг него на кушетках, сохраняя важность, разместились трестовские дельцы-инженеры. На некоторых из них были форменные тужурки.

Яхонтов с Василием присели на стулья у порога. К ним подошел представитель губкома, небольшой человек с черными бакенбардами, в военной форме и больших полуболотных сапогах. Это был Рувимович.

Управляющий поднял голову от бумаг, отчего слегка колыхнулся у него на затылке жидкий клоч волос, и все лица повернулись к столу.

– На повестке сегодняшнего заседания, по существу говоря, два вопроса, – начал он слегка вздрагивающим баритоном, – первый – о снабжении и эксплуатации приисков Удерской

золотой системы и второй – о назначении директора этой системы. Вопросы большие, и вряд ли есть необходимость добавлять или изменять эту повестку.

Управляющий вопросительно сверкнул пенсне по лицам окружающих и остановился взглядом на сидевшем влево от него невысоком человеке с красным носом и сивым ершом на голове.

– Давайте, Иван Михайлович, – сказал он, причем левая щека управляющего нервически вздрогнула и пенсне спустилось на конец носа.

Иван Михайлович – плановик и заведующий материальной частью треста – послушно развернул склеенный лист бумаги размером около метра. На листе мертвой саранчой лежали цифры и чернели дорожки. Он также сначала обвел собравшихся серыми воспаленными глазами и опустил их на мертвое поле бумаги.

– Точных сведений на данное число нет, – начал он, шевеля усами и пришепечывая. – Более или менее реальное сальдо можно было бы вывести тогда, когда снабжение системы имело бы строго плановый порядок. Но так как мы имеем один самовольный случай конфискации Боровским рудоуправлением продуктов на Боровском рынке, на что, кстати сказать, оно не имело никакого права... – Иван Михайлович улыбнулся, обнажая свои кривые зубы. – И второй случай – также незаконной отгрузки тем же управлением новой партии хлеба, то учет приходится ставить не реально.

Глаза присутствующих устремились на Василия и Яхонтова с любопытством.

– Данные приблизительного подсчета, – продолжал Иван Михайлович, – рисуют перед нами следующую картину...

И серые выпцветшие глаза снова опустились на бумажное поле.

Когда были перечислены все виды конфискованных на Боровом и закупленных Василием и Яхонтовым в Подтаежном селе продуктов, человек с серебряным ершом опустил в мягкое кресло рядом с управляющим.

– Вопросы!

Управляющий потрогал колокольчик и уставился взглядом на присутствующих.

– Вопросов нет?

Представитель губкома дернул плечом и затеребил бакенбарды.

– Значит, точных сведений о запасах у вас нет? – спросил он, делая резкий жест рукою.

Иван Михайлович приподнялся на пружинах мягкого сиденья и зашевелил усами:

– Ну да! То есть таких, какие можно было бы получить при условии планового снабжения и правильно поставленного учета.

– Так за каким же, спрашивается, чертом вы трясли это кладбище?!

Рувимович встал и прошелся по кабинету.

Василий лукаво подмигнул Яхонтову и толкнул его локтем.

– Дорогие товарищи, это хорошо, но что у вас есть сегодня, вы не знаете...

Рувимович уставился голубыми глазами в лицо управляющего.

– Вы не знаете, что есть у вас в тайге...

Управляющий с достоинством поднялся на ноги и спокойно начал:

– То есть, виноват... Мы знаем предварительную заброску. Следовательно, учитывая потребительскую норму и количество едоков, логически последовательно можем строить свои плановые предположения. Если бы товарищ Медведев не сделал этой непоправимой ошибки, благодаря которой наша система снабжения и восстановления Удерских приисков была нарушена в самой своей основе, то в данное время мы имели бы несомненный сдвиг в этом вопросе.

Он передернул бровями и опять блеснул пенсне по застывшим лицам своих подчиненных.

– Вот сегодня мы имеем телеграмму от нашего уполномоченного Чеклаева о том, что представители Боровского рудкома сорвали синдицированные цены на хлеб во всем Приангарье.

Он приподнялся и протянул серенький листок Рувимовичу.

– Такие дела, собственно говоря, по современным законам разбирает прокуратура... Это анархизм, не вызванный ни малейшей необходимостью.

Василий встал и, шатаясь, подошел к столу. У него дергались щеки.

– Вы, товарищ управляющий, бросьте тереть волюнку! Этой бумагой вы нас не накормите... Где ваша система?! За два месяца вы поставили одно чучело в селе Казацком и не дали ему еще ни одного наряда. А знаете ли вы, что этот ваш уполномоченный белкует там и жиреет, как крыса в подвале?! Да за такие дела самих вас...

Управляющий мягко улыбнулся, а Рувимович остановил Василия за руку:

– Ты успокойся, товарищ Медведев. Вопрос здесь решается предварительно, завтра он будет поставлен в губкоме. А насчет Чеклаева мы тоже поговорим.

– Товарищ Медведев напрасно поднимает бурю в стакане, – сказал управляющий. – От рассмотрения вашего проекта, во-первых, никто не отказывается, и ваши грубости здесь неуместны. Не забывайте, что приемы военного коммунизма утратили свою пригодность! Это не фронт, то есть новый фронт, на котором штурмовой атакой только повредишь... Нам вместе предстоит ударить по мертвым дебрям тайги. В чем дело? К чему тут угрозы и оскорбления?

Василий тряхнул волосами и громко рассмеялся:

– Угрозы не с моей стороны, товарищ управляющий. Вы нам два месяца сулили курятник, но кто его больше заработал – будем смотреть. А только эту муру надо бросить... Вот через неделю-две дорога поплывет... Тут надо круто ставить вопрос, вот именно – штурмом. Говорите – анархизм, а начали бы вы работу на приисках в этом году, если бы мы не взяли хлеб у базарщиков и не выкурили с Борового Еграху Сунцова? Прямо говорю: нет. Почти четыре года прииск лежал мертвым, а мы его оживляем.

Василий при этом нечаянно пнул венский стул.

И присутствующие будто только теперь обнаружили признаки жизни.

– Наряды на хлеб и прочую еду должны быть даны на днях. Мы пустили в дело паровой молот. Рабочие руки треплются в драках. Мы обнадежили рабочих, а вы снова толкаете их на хищничество. Надо знать пролетарскую обстановку, товарищи. Там хищники золотую борель запакостили, а вы хотите бумагой...

Управляющий стукнул карандашом по чернильному прибору.

– Товарищ Медведев, мы сейчас заслушаем ваш проект и, сопоставив его с нашим, возьмем нечто среднее. Внесем, так сказать, коррективы.

Управляющий снова стукнул карандашом:

– Против такого порядка нет возражений?

– Нет!

– Товарищ техник, докладывайте!

Яхонтов подбирал исписанные мелким бисером листки, пожелтевшие в дороге. Эти листки переписывала Валентина.

– По существу, мы требуем немногого... Пятнадцать тысяч пудов хлеба, две – мясопродуктов, пятьсот пудов масла, шестьсот – капусты, триста ведер хлебного, остальное мелочь, а в мелочах наш план с проектом треста не расходится. На все это мы требуем дать телеграфный наряд завтра же. Это наше первое предложение. Во-вторых, завтра же необходимо отгрузить все товары и материалы по нашему заказу, представленному вам три дня тому назад.

Он провел рукой по лбу и, выпрямившись, взглянул на управляющего.

– Располагая всем перечисленным, мы в июне пустим первую драгу на Боровом, а в августе – Баяхтинские шахты и Алексеевскую драгу.

Несколько выкладок, подкрепленных историческими справками, приводили к выводу, что при энной затрате драги дадут энный валовой доход.

– Кроме того, – продолжал Яхонтов, – нам нужен квалифицированный директор-инженер. Вот все наши притязания к тресту! По приезду в тайгу мы предполагаем ударить на ремонт драг, шахтенных колодцев в две смены... Дело треста – помочь осуществлению нашего плана... Летом заброска продовольствия немыслима. И если трест не желает, чтобы пятьсот рабочих окончательно превратились в тунгусников-спиртоносов, то он должен завтра решить вопрос о снабжении. План треста – пустое место! По вашим ценам мужики хлеб не повезут. Мужики перегонят его на самогон, свиньям скормят, а не повезут... Вы не знаете этого края и его особенностей!

Василий улыбался глазами и про себя повторял каждое слово докладчика.

Бледное, точно неживое лицо управляющего подернулось влагой. Он блеснул пенсне по лицу Яхонтова и первый раз внимательно присмотрелся к нему.

Казалось, то, что говорил докладчик, для него было целым открытием. «Почему, – думал он, – никто из сотрудников не высказал опасений насчет летней доставки?..»

Он отодвинул чернильный прибор и хотел что-то сказать, но его предупредил Рувимович:

– Вот с этого и надо было начинать. Не о прокормлении рабочих, а об использовании их сил ставят вопрос боровские товарищи...

И я предлагаю избрать комиссию для окончательного разрешения этого дела.

Управляющий приподнялся с кресла к столу и в тон Рувимовичу, оживляясь, сказал:

– Конечно... Я предлагаю в комиссию ввести товарища техника и Медведева, как представителей с мест, и товарища Рувимовича. Нужно сознаться, что они реальнее нас подошли к вопросу восстановления приисков Удерской системы... Срок работы комиссии – один день...

Инженеры переглянулись.

Управляющий бросил на стол карандаш и встал, давая понять, что заседание кончилось.

Когда вышли на улицу, управляющий легонько придержал Яхонтова за рукав оленьей дохи.

– У вас, товарищ техник, великолепные эрудиция и знание тайги, – сказал он вполголоса, – Скажите, вы давно работаете в этой системе? Я здесь человек новый и, сознаюсь, плохо ориентировался. По выговору вы, кажется, сибиряк? Это очень приятно! Как ваше имя? Вот если бы вы были инженером!.. Лучшего директора нельзя было бы желать!

Яхонтов насмешливо щупал глазами управляющего.

Ему вспомнился первый прием в кабинете, когда управляющий обещал Василию соответствующую статью из уголовного кодекса, а теперь перед ним стоял будто бы другой человек.

– Поговорим еще... На вас будем ориентироваться, – сказал управляющий, пожав ему руку.

13

Буксирный пароход «Вильгельмина II» резким свистком пробудил окрестности порта Игарки. Этот прозрачный августовский день навсегда сохранила память Африкана Сотникова. Пароход был построен в Амстердаме по специальному заказу Центросоюза еще в 1917 году. Но английское правительство возвратило его, как и все имущество советской кооперации, только после постановления кооперативного альянса о признании нового правления Центросоюза.

«Вильгельмина» предназначалась для обслуживания низовий Енисея. В караване судов Карской экспедиции пароход шел под управлением английского капитана и двадцати матросов. В числе этих двадцати впервые после эмиграции Африкан Сотников твердо стал на родной берег.

Расправив грудь, он с жадностью потянул мясистым носом: воздух был насыщен кислородным запахом тундры, лесной хвои, прохладой оставшегося позади моря и запахом соленых осетров.

Холодное северное солнце погружалось в зеленеющие разливы лесных массивов. Африкан Сотников почтительным жестом увлек от шумевшей публики высокого и слегка прихрамывающего человека в клетчатом костюме и цилиндре. Сухощавый человек обвел роскошной тростью полукруг и ударил ею по головкам засыхающего дудника.

– Здесь все дико, лорд Стимменс, – сказал Сотников, кося маленькими темными глазами на оставшуюся позади толпу. – Но через этот порт мы можем обогатить ваше отечество высшими сортами рыбы, пушнины, каменного угля, золота и, если хотите, платины. Наш север богаче десяти, скажем, Калифорний... Но без вашего капитала недра еще тысячу лет будут не оплодотворены, дорогой лорд.

Африкан Сотников говорил хриловатым полупшепотом, заглядывая в серые глаза иностранца. А глаза Стимменса напоминали холодно-суровое северное небо. В них так же мало было жизни и тепла, как в наступающих здесь осенних днях. Иностранец поиграл золотым брелоком и остекленелым взглядом остановился на мясистом подбородке спутника.

– Дико, – коротко сказал он. – Здесь живут дикари?

– Да... Тунгусы, юраки, самоеды и другие... племена. – Они зашли в низкорослые, чахлые сосняки. Лорд Стимменс внезапно вздрогнул и костлявой рукой ухватился за могучее плечо Сотникова. Над их головами с дерева на дерево прыгала белка. Зверек пискнул и зашумел где-то в хвое. Стимменс остановился... На его сухощавом, омертвелом лице зажелтел слабый румянец.

– Пушнина?

– Да... Она скоро поспеет...

Африкан Сотников почтительно посторонился, когда иностранный гость пожелал присесть на свежесрубленный пенек. Лорд закурил сигару, вторую небрежно подал Сотникову.

– Где вы думаете поселиться? – голос Стимменса все еще дрожал.

– На фактории Дудинке или на Яновом Стане.

– А что там?

– В этих местах главные рыбные промыслы... Туда же можно стянуть пушнину и золото... – Сотников заметил, что на серо-клетчатые брюки гостя упал пепел от сигары, и поспешил смахнуть его.

– Вы там вели дело?

– Нет, я имел свой крупный прииск, который разграбили большевики.

Стимменс положил коричневый кожаный портсигар и, не глядя на спутника, спросил:

– Сколько потребуется средств на годовой оборот и содержание нужных нам людей?

Лицо Сотникова вытянулось, а подбородок врезался и раздвоился на воротнике защитного френча. Он торопливо выдернул из кармана записную книжку и развернул ее. С желтоглянцевых листов глянула тонкой паутиной самодельная карта Африкана Сотникова. Холодные глаза Стимменеа расширились, пробегая по мудреным извивам, пересекающимся черными горошинами кружочков. Горошины указывали месторасположение становищ кочевников, факторий, пастбищ и песков золотых месторождений. Широкая ладонь Сотникова плотно легла на карту. И лорд Стимменс понял мечту бывшего русского капиталиста. Этот знак он понял как символ. Наложить крепкую лапу на азиатский север – да ведь это мечта всех Стимменсов и Сотникавых в мировом масштабе. Стимменс, владелец миллионных предприятий в Европе, не хуже чумазого Африкана Сотникова понимал, что в дряхлеющий организм «цивилизованного мира» нужно скорее и как можно больше вливать свежей горячей крови. А главное, здесь безнаказанно лезли в карман умопомрачительные проценты.

Костлявые пальцы с перстнями запрыгали по кружочкам, золотые зубы выстукивали дробь.

– Здесь нужно иметь своих людей? – лорд дрожал, как игрок у рулетки, – На первое время человек тридцать...

– Дай схему, мистер Сотников. – Стимменс затоптал окурки сигары и, вопреки обычаю, закурил вторую. Африкана влекла пленительная мысль. Он, как сибирский конь, не знал удержу.

– Это, лорд, новая Америка... Подумайте, какие Чикаго можно выбухать здесь в один год, если отрезать край вот поселе. – Толстый палец визгливо черкнул по гляncy. – Здесь линия Великого Сибирского пути – железная дорога.

Омертвелое лицо лорда впервые ожило. Он молча закивал цилиндром и что-то записал в блокнот.

...Ночь была длинная, как песня юрака. В эту ночь от внешнего борта «Вильгельмины», тихо всплеснув, отплыла невидимая лодка. На воде тенью скользнула сутулая крупная фигура человека и быстро канула в непроглядную бездну. В этот же миг по освещенной полосе палубы проползла вторая тень в высоком цилиндре. Тень исчезла за дверями каюты.

...Наглухо крытые дворы рыбопромышленников, склады пушников, фактории и бараки старателей крепко сцепились для отражения снежных забоев. Крепкий запах рыбы и зверьего мяса чувствуется даже тогда, когда необузданные выюги тундры наметывают заструги выше строений, а от северной температуры лопаются градусники.

Тряские годы не миновали тундры. Может быть, потому обитатели Дудинки не узнали в Копитоне Войлокове Африкана Сотникова, бывшего северного волка. Официальные документы указывали, что оный гражданин происходит из крестьян Виленской губернии. В мировую же войну попал в плен к германцам как рядовой русской армии, а после войны перебрался в Англию, откуда и вернулся на родину. И этого на первый случай было достаточно, чтобы власти Севера поверили в благие намерения нового нэпмана, принявшегося за постройку невиданных в здешних местах складов и щедро расплачивающегося с рабочими и охотниками.

Ефграф Сунцов тогда работал приемщиком пушнины в фактории Госторга. С Африканом Сотниковым они встретились неожиданно. Пять лет со дня разлуки внешне изменили обоих.

Леденящие метели смертельно дышали на тундру, с оцепенелых деревьев падала гибнущая птица. К чумам эвенков, к жильям белых пришельцев тянулись голодные табуны оленей. Животные стучали о стены ветвистыми рогами и падали от стужи. Пришлые люди дни и ночи не выходили на воздух, греясь около раскаленных железных печей. От безделья некоторые из них спали целыми сутками, некоторые запивали северную жуть заранее припрятанным спиртом, некоторые до одурения пересчитывали предстоящие барыши, дулись в карты.

– Здравствуй, Африкан Федотович!

Сунцов через голову стянул пушистый олений сакуй и шумно сел на обрубок около гудящей железки. Одинарные окна, пестрящие брюшиной, певуче звенели от жгучего ветра. За тонкой стеной хриплый голос запевал:

С Ангары до устья моря
Без путей и без дорог
Загуляем на просторе.
Не жалея, братишка, ног...

Пьяные глотки сипло подголашивали выюгам:

Эй, шуми, борель-дубрава,
Веселися, уркаган.
Хошь налево, хошь направо
Шваркай, топай, братован...

Зрачки Сотникова иглами впились в лицо Сунцова. Он отшагнул назад и с разбегу сжал гостя в медвежьей охапке.

– Жив, Евграф Иванович!

– Как видишь.

Под спиртными парами старые приятели поделили тундру. В торжественных заклетьях Сунцову был поведен план лорда Стимменса. А под утро, когда окна барака запечатало сугробами, Африкан Сотников бессвязно и невнятно тянул:

– Боровое... Родная кровь... У-у-у... разбой... Поезжай, Евграф, немедля... Тебе поручается бо-ольшое дело.

14

Агент по заготовкам быстро шагнул по квартире; он один занимал верх большого покоившегося дома, который когда-то принадлежал такому же солидному человеку, как и он, Чеклаев. Теперь этот дом национализирован, но Чеклаев думал и верил, что сейчас он опять может принадлежать старому хозяину: ведь нэп...

Чеклаев подошел к столу и в сотый раз начал перебирать пучки синеватых шкурок с черноватыми и сизыми хвостиками. Шкурки нежно похрустывали под пальцами. Подбирая стандарт, он каждую из шкурок подносил близко к глазам.

С улицы послышался сначала глухой шорох, а затем явственный топот. Пристывший сверху ледок звенел под копытами лошади, и металлическое цоканье вместе с лаем пробудившихся собак заухало в тишину мартовской гулкой ночи.

В парадную дверь стучали настойчиво и долго.

– С белкой! – сказал Чеклаев и пошел открывать. Но он ошибся. В дверях в легкой козьей дохе и в беличьей шапке стоял незнакомый на первый взгляд человек, а у калитки была земля копытом лошади.

– Не узнал, Проня? – сказал приезжий хриплым голосом.

– А! Евграф Иванович... Узнал. Проходите! Проходите!

– Ну, как живешь, Проня? Бельчонку скупаешь! Доброе дело!

Гость снял доху и начал переобувать валенки, не дожидаясь ответа хозяина.

– Ноги немного пристыли, черт их побери!

– Бедному человеку негде взять, – искоса глянул Чеклаев на гостя.

– Влетишь ты с ней, Пронька, брось это занятие!

Чеклаев по привычке прошелся по комнате.

– А что же я должен делать? – с усмешкой спросил он.

– Я хочу предложить тебе кое-что получше.

С этими словами Евграф Иванович вынул из бокового кармана узелок и развернул его. На тусклом фоне сверкнули блески желтой массы.

Чеклаев с открытым ртом уставился на стол.

– Золото!

Лицо Чеклаева морщилось, один глаз прищурился, а очки скатились на кончик носа.

– Оно самое, – сказал Евграф Иванович, улыбаясь и затягиваясь трубкой. – В тысячу карбованцев не втиснешь... В год не заработаешь на белке такие денежки, Проня!

Чеклаев еще быстрее зашагал по комнате.

– Что нужно делать-то? – почти со злобой выкрикнул он.

– Пустяки, – тянул гость. – Пара пустяков!

Сунцов подошел к Чеклаеву в упор и, всматриваясь в глаза, спросил:

– У тебя есть наряд на отправку хлеба на прииски?

– Да, завтра отправляем. Думаем отправлять. Вот! – Чеклаев подал бумажку. Сунцов пробежал по ней мутными глазами и повелительно сказал:

– Не отправляй!

Чеклаев оторопел:

– Не отправлять? А чека?..

– Никакой чеки... То есть ты можешь готовиться к отправке, но удержи ее недели на полторы. Не подкапываются...

– Ты знаешь Африкана Сотникова?

– Ну?

– Вот и ну... У него не одни мы с тобой кормимся... Будь умнее, Проня... Здесь прижмут – за границей места нам хватит... Деньги лорда Стимменеа делают чудеса.

15

Степь давно кончилась. В лесу сразу стало темнее. Навстречу длинно тянулись нескончаемые подводы порожняка.

– Где сдали? – спросил Лямка у остановившихся передних подвод.

– А всяко разное, – ответил молодой краснощекий парень, потирая заспанные глаза и сталкивая в сторону передовика. – Кто на Боровом, а больше на Калифорнейском... Хлеба наперли уйму.

Аж анбары лопаются.

Подводы одна за другой ныряли мимо кошевки и подрезали ее под грядки.

Лямка разбудил Василия.

– Товарищ Медведев, может, поговорить надо?.. Вставай, парень.

– Поезжай! – крикнул Василий, натягивая на голову ворот дохи.

Сумерки быстро спускались над тайгой... Между двух темных стен леса чуть виднелась впереди белая полоса дороги. Над самой дорогой темные сосны распустили свои лапы к дуге и гривам лошадей.

Яркие звезды, будто цветы, вплетены в вершины деревьев.

Зимовье примкнулось к скале и ручью среди темных пихтачей. Вокруг избы и двух скривившихся стоек с наметанным на крышу сеном протянулась перекосившаяся изгородь в две жерди. И даже ночью было видно, как по обеим сторонам от зимовья скалятся клыками сушняк.

Во дворе по толстому слою навоза топтались десятка три скрюченных от перегону лошадей.

Василий и Яхонтов проснулись около самых дверей зимовья под ожесточенный лай белых остервенелых собак. Спросонья Яхонтов заметил черную тень человека и услышал разговор.

– А, Лямка! Милости просим! Протрясло небось?.. Дороги нынче – увечь одна, нырок на нырке...

– А кого привез-то?

– Начальство, – ответил Лямка шутливым тоном. – Дилехтура, брат, самого и большевистского попа. Ты нам фатеру побасше давай и самоварчик!

Они вошли в коридор, разделявший зимовье на две половины. Посредине коридора находилась широкая русская печь с пристроенной сбоку плитой. На плите вороньим стадом стоял десяток закопченных котелков.

Из черной половины зимовья пахло прелыми портянками и слышался громкий хохот толпы.

Яхонтов, заглянув туда, сморщил лоб. Сквозь пар и табачный чад едва заметно было, как передвигались темные, точно тени, фигуры ямщиков.

Они прошли на хозяйскую половину, которая состояла из двух комнат и отдельной спальни.

На второй половине разгорался спор между Сунцовым и ямщиками-ангарцами. Они рядились за подводу. Сунцов, с начинающим все больше грубеть хитроватым лицом, говорил рыжему бородачу:

– Так и быть, паря, дадим четвертную до Калифорнийского, только с уговором, чтобы второй станок везла нас твоя дочка.

Толпа косматых и грязных людей хохотом потрясла стены зимовья.

Чалдон сердился:

– Ты чо, язви те в душу, зубоскалишь? Если поедешь, то говори цену, окромя шуток...

– А вы лучше потянитесь гужиком, – предложил кто-то.

– Правильно! – подхватила толпа.

– Тащи перетягу! – крикнул Сунцов, не замечая вошедших Василия и Яхонтова. – Уговор такой: если ты перетянешь – плачу четверть самогону, а если я – везешь бесплатно до прииска.

Чалдон связал перетягу гужиком и подал один конец Сунцову, а затем, оглянув присутствующих, угрожающе сказал:

– Хочь ты и мясо жрешь каждый день, а попробуем, чья кишка дюжее?

Противники уселись друг против друга на полу и слегка попробовали гужик. Вербка затрещала и затянулась в узел. Толпа насторожилась.

– Не подгадь, Граха! – крикнул кто-то из золотничников.

– Дай пить, Микита! – закричали, в свою очередь, ямщи-ки-ангарцы.

Двое здоровенных мужчин, ободряемые ревом толпившихся, уперлись, как уросливые лошади, которых насильно хотят стащить в реку, и, надуваясь животами, потянули друг друга к себе.

– Не сдавай, Еграха!

– Дюжь, Микита!

– Ниже держись – от земли не отдерет!..

Один из ямщиков протянул руку между тянувшимися и повелительно сказал:

– Не фальшь, ребята, – по правилам вали.

Сунцов только теперь снизу вверх увидел Яхонтова с Василием и улыбнулся им цыганскими глазами.

Тянулись до трех раз. Сначала перетянул ангарца Сунцов (сгоряча чалдон не успел расправить мускулы). Второй раз Сунцов сдал. Шеи, лица и глаза у обоих налились кровью. Уселись в третий раз.

Сунцов изменился в лице.

Золотничники нервничали, а ангарцы заранее торжествовали победу. Чалдон крикнул на все зимовье и, изогнувшись в дугу, перекинул через себя противника.

Сунцов спустил гужик. На руке, где врезалась веревка, побелела кожа и выступила кровь.

– Спортил руку-то, – отдуваясь и улыбаясь, сказал чалдон.

Сунцов смахнул кровь на пол и задорно закричал сидящему на нарах белобрысому парню:

– Буди бабу, что с самогоном!

И, оглянувшись, снова встретился глазами с Василием. Сунцов рассмеялся, не подавая виду, что между ними была ссора.

– Потешаетесь? – спросил Василий.

– Да что поделаешь, глушь, тайга, товарищ Медведев...

Белобрысый открыл половичную тряпицу и толкнул лежащего под ней человека. С нар поднялась толстая низкая баба и, протирая глаза, ругалась:

– Чо будить-то, я все слышу, лешак вас, что ли, подхватил? Дрыхнуть не дадут!

– А ты не лайся! – крикнул на нее один из золотничников. – Торгом живешь, язва! Что, заробить не желаешь?

– Заробишь от вас лихорадку... Сами норовите с зубов шкуру содрать!

Пока баба наливала самогон, к Василию подошел один из ямщиков и, кивнув на бабу, шепнул:

– Фартовая!..

– Зачем он здесь? – шепнул Яхонтов Василию, когда они проходили на хозяйскую половину.

– А ты видел обоз на дворе? – хмуро отозвался Василий.

Яхонтов недоумевал:

– Какой обоз и что он значит?

– Вот видишь, как все вы понимаете здешнюю обстановку!

Нам хлеба меньше везут, я уверен, а Евграф Иванович прет его сотни подвод. Вот что это значит: это значит, что Еграшка выжмет нас с прииску! Эх, Борис Николаевич! Хороший ты парень, но что-то тебе мешает мозговать по-рабочему. Мы видим этих Сунцовых, как кошка в подполье, и они не уйдут от нас, а тебя бы этот тунгус в день пять раз на кривой объехал.

– Да, это, пожалуй, верно, – хмуро согласился Яхонтов.

– Не пожалуй, а чикалка в чикалку, – воодушевился Василий. – Мы должны даже во сне видеть и слышать, чем дышит эта порода. Плохо, что ты не знаешь нашу азбуку...

– Смотря какую... Кое-что я раньше тебя читал, – улыбнулся техник. – Но мне кажется, все ваши преувеличивают опасность. Ведь, по существу, у нас капитал золотушный, недоразвитый, и он не может создать серьезную опасность новому порядку.

– Ошибаешься, Борис Николаевич! – рассмеялся Василий. – Сними, товарищ, интеллигентские очки, и ты увидишь, в какой колючей проволоке мы находимся. Не только Сунцов; но и еще кое-кто настраивает советской власти, ежели мы проспим.

– Ну, это, может быть, и так, – начинал сдаваться Яхонтов. – В отношении собственников, может быть, ты и прав. Но почему же такая нетерпимость к нашему брату – интеллигентам?

Василий снова рассмеялся и положил руку на крепкое плечо техника.

– Чудной ты, Борис Николаевич! Мы с тобой не сговоримся в два дня. Но ты все-таки не видишь, в чем тут штука. Пойми, что таким, как ты, в пятьсот годов не дойти до социализма. Хватки нет у тебя, хотя ты и наш парень.

– А Валентина Сунцова? Как по-твоему – чужая она или не чужая?

Василий на минуту смеялся, но затем смело тряхнул волосами.

– Объезживать надо, – решительно сказал он. – Ты понимаешь, ей надо хорошего ездока, а у плохого заурсит и пойдет по брату.

Яхонтов пожал плечами и замял в цветочном горшке окурки папиросы. Василий понял, что техник внутренне соглашается с ним, но не желает признаться.

– Но ведь вы готовите свою интеллигенцию и неужели ей также не будете доверять, – неуверенно начал Яхонтов.

– Наша интеллигенция будет с другими мозгами, – коротко отрубил Василий. – А ежели который свихнется, то тоже пусть чешет в хребте...

В дверь постучались, хотя она и была полуоткрыта.

Евграф Иванович вошел в комнату вслед за девочкой, которая, семеня ногами, несла тяжелый самовар. В его походке и манерах осталась старая осанка и развязность, но на измятое лицо налетела тень таежного загрубения. Глаза бегали с заискивающим любопытством. С хозяевами Евграф Иванович, как и со всеми, был на ты.

– Не помешаю? – спросил он, присаживаясь.

– Садись и рассказывай, как живет ваше Запорожье, – пригласил Яхонтов, насмешливо взглянув на Евграфа Ивановича.

Сунцов тоже рассмеялся.

– Это метко сказано... Запорожье наше пока бедствует, а дальше не знаю, что будет делать! Хочу на службу идти.

Худая, с желтизной на лице и тонкой шее, хозяйка принесла сковороду яичницы со свиным салом и пригласила всех к столу.

Сунцов, прищурившись, оглянул закуску.

– Ничего, пыжи добрые! – сказал он, подмигивая Яхонтову и косясь на Василия. – Промочить бы их?..

Василий вопросительно взглянул на Яхонтова и, не дожидаясь ответа, сказал:

– Тащите, если есть, – все равно ночью не поедем – чего там!..

Сунцов что-то шепнул на ухо хозяйке. Она вышла и, возвратясь, принесла бутылку первачу.

– Много, поди, везешь? – указал Яхонтов на бутылку.

Сунцов хитро скривил лицо:

– Сколько везу – все мое...

– Смотри, влетишь!

– Ну и что же, вам-то, полагаю, легче не будет!

– Только рабочих не спаивать, смотрите, – усмехнулся Василий.

Гости уселись за стол, а хозяйка прикрыла двери.

– Штобы оттуда не глазели, – заметила она как бы про себя.

Евграф Иванович усердно подливал крепкий самогон.

– Давайте, давайте, – уговаривал он Яхонтова, – у нас здесь хорошо работает лестрест.

Яхонтов отодвинул чашку и решительно отказался.

А Василий вместо рюмки налил себе стакан.

– Вот это будет мой глоток, – сказал он, опрокинув самогон в рот.

После первой же бутылки Сунцов опьянел. Но на столе появилась вторая, и он, не морщась,пил чашку за чашкой, не замечая, что Василий все время выливает под стол свой стакан.

– Бусать так бусать, – нарочито кричал раскрасневшийся Василий и стучал кулаком по столу. На столе дребезжала и прыгала посуда. Он сбросил с себя шарф и купленную в городе кожаную тужурку.

Хозяйка подносила рыжиков, огурцов и жареного мяса.

– За наши успехи на руднике! – снова кричал Василий, громко чокаясь с Сунцовым.

– И за наши, – пьяно усмехнулся тот.

В комнату собрались все члены семьи, и старший сын хозяйки Костя, невысокий плечистый парень с большим рыжим чубом, достал из ящика двухрядную гармонь и лихо хватил «Яблочко». Младший, Маркелко, костлявый и веснушчатый подросток, похожий на молодого ястребенка, стукнул о пол ногою и пошел в пляс, размахивая длиннопальными красными руками.

Мерно, в такт гармошке, заговорили кривые половицы. Бродни без каблучков беззвучно выбивали шепотливую дробь. Сунцов поднес плясуну и гармонисту по полной чашке.

– Восподи баслови! – говорил Маркелко. – Седни первая отломилась...

Подвыпившая хозяйка, закуривая папиросу, подсела к Василию.

– Ну, как живешь, Хватиха? Не узнала меня?

Она рассмеялась, показывая два ряда желтых, закопченных зубов.

– Хорошо живем, да не в славе, товарищ! Вон сыновья выросли – малый-то не успел выпериться, а уж женился. Беда с нынешними детьми!.. Переродился народ.

– Ну-ко, невестка, – обратилась она к стоявшей у порога босой девочке с лицом лилипутки, – тряхни, звесели гостей!

Девочка потупилась и чуть слышным, глухим голосом ответила:

– Я эту не умею...

– Э, чтоб вас хвороба забрала! Выдумали какую-то черну немочь, – сердилась хозяйка.

Костя заиграл вальс «На сопках Маньчжурии». Сунцов подхватил босоногую девочку – она приходилась ему до пояса, и Сунцову пришлось сильно сгибаться, чтобы подладиться к своей паре.

Утром Медведев и Яхонтов лежали на полу, на подостланных дохах. Отрывки разговоров доносились до них четко.

На кухне слезливо, по-детски, ссорились Маркелко с прислугой, а за переборкой на кровати, покашливая, говорила хозяйка:

– Вишь наладились вчера! Еграха-то прямо тяти с мамой не кличет. Как камень ко дну, в постель свалился... А коммунист военный-то пьет, как воду, и только краснеет.

– Вот все они так ездят сюда, сволочи! – заметил мужской голос... – Антилигенция...

Василий толкнул Яхонтова.

– Вставай, ехать пора!

Василий еще с утра узнал от ямщиков, что они везли хлеб на Боровое, но Сунцов перехватил их здесь и назначил цену повыше.

Скрипя половицами, он вышел на вторую половину и долго говорил с ямщиками, но Яхонтов не мог понять, о чем шел разговор.

– Вот видишь, – сказал он вернувшись, – как дела-то делаются? Сунцов спит теперь, как сукин сын, а хлеб повезли нам!

На дворе сыпались мокрые снежинки. Пихтачи, как подстреленные птицы, распустили свои намокшие крылья-ветви и тихо шумели. Тайга подернулась темным и теплым мороком.

16

По утрам и вечерам потрескивали леса от легких заморозков, и кедрачи щетинились прозрачными ледяными иголками, точно бисером. Днем на солнцепеках притаивало, и разжиженный снег чавкал под ногами. Тайга бродила буйным молодым хмелем. Казалось, вот-вот расплавится трехаршинная белая глыба и ревущими водопадами захлещет с гор на приискскую равнину – в омуты таежных речек.

И таким же хмелем бродили головы боровских рабочих. С приездом Василия и Яхонтова снова начались спешные работы. Часть рабочих ремонтировала амбары и мастерские.

Вихлястого и Никиту рудком командировал на Баяхту и Алексеевский прииск в качестве заведующих. На второй же день после приезда предревкома и нового директора заседания рудкома, ревкома, раопреда чередовались, как летучие митинги, и тут же под металлическую дробь молотов ухали, свистали ямщики и перекликались горластые колокольцы под старинными резными дугами чалдонских подвод.

Качура бродил от подвод в контору – к столу Валентины, а отсюда – к амбарам, отправлял партии подвод и каждый раз справлялся:

– А ну-ка, дочка, сколько на Баяхту? А на Боровое?

После этого искал Василия или Яхонтова и докладывал по бумажкам, исписанным рукою Валентины.

Женщины целые дни крикливыми стаями осаждали кладовые и воза ямщиков. Рылись, раздирали тюки, обтянутые рогожей, шупали, спорили, нюхали и томились в радостном ожидании. И было отчего... В первый раз после восемнадцатого года здесь запахло фабричными товарами, и от этого запаха кружились головы:

Яхонтов брал на учет материалы и инструменты. Он набросал план очередных работ. На Боровом это сделать легко, а с Баяхты от Вихлястого еще не было никаких сведений. А ведь Баяхта – второй опорный пункт Удерской системы.

Он чувствовал в голове и груди прилив весеннего хмеля, который с теплым ветром доносился с гор. И в то же время тревожили встречающие улыбающиеся взгляды Валентины и Василия.

«Василий молод и красив, в отношении женщин смел, избалован и груб... А внутреннюю красоту способны замечать редкие женщины, которые маркой выше обыкновенных», – думал он, отрываясь от работы.

«Но ведь Валентина не подходит к обыкновенным, – говорил чей-то голос за спиной. – Ведь недаром она одним взмахом отрубила нити, которыми была связана с семьею. Но ведь и Василий с удивительной проницательностью...»

Металлические звуки парового молота дробно ударили по дебрям тайги и в стены здания, отчего задребезжали окна конторы и на столах зашевелилась бумага. Яхонтов, отрываясь от дум, взглянул на Валентину и в ее долгом улыбающемся взгляде прочел обещание...

– Пойдем в мастерские! – крикнул ему Василий, бросая на стол пачку бумаг. – Наглядитесь в другой раз, когда добьемся передышки.

И опять Яхонтова кольнуло в сердце.

Валентина, краснея, уткнулась в бумаги, но тотчас же оправилась и строго, без улыбки и слов, взглянула на Василия снизу вверх.

Он перестал смеяться. И только когда они вышли на улицу, виновато сказал:

– А колючая деваха, разъязви ее!

– Да, – угрюмо усмехнулся Яхонтов, – без рукавиц тут обожжешь руки.

– Колючая, – повторил Василий. – Но, знаешь, из нее будет толк.

– Если мы отнесемся по-человечески...

В дверях мастерских они встретили шатающегося от усталости Качуру. Он засеменил к ним, закашлялся, замахал руками, и сонное его лицо залилось румянцем.

Когда прошел припадок кашля, он потянул их за руку в подвальную кладовую, куда возчики скатывали бочки с керосином и мазутом. За ними, как и всегда, хвостом прирастала толпа рабочих, не пристроенных еще к делу. Дверь кладовой зияла черной пастью, и вместе с паром оттуда несся запах плесени и нефти.

– Вот гостинец так гостинец! – твердил он, спускаясь на самое дно подвала.

Они прошли в угол, освещенный стеариновой свечой, и остановились перед раскупоренными четырьмя ящиками, из которых виднелись груды круглого железа.

– Вот они, новенькие! – захлебывался Качура. – И краска с ящиков не слиняла. Думал я, думал и вот только сегодня сон в руку пришелся... На заре в голову пришло. И вот они, как конфетки!.. А ведь я думал – нет у нас таких... Посмотрите, как игрушки, ядят их егорьевы собаки... Нет, увольте, не могу я нести такую работу, голова разжижела, братцы. Я драгер и шахтер, а вы меня – пайку распределять...

Послышался обеденный гудок. Паровой молот умолк, и сразу стало тихо. Рабочие небольшими кучками сходились в черное отверстие.

Большой запас нужного железа!

Это – большое чудо: старое, проржавленное, было ненадежно, и поэтому многие плохо верили в пуск драг, а теперь вот разрешались, рассеивались сомнения...

– Ай да рудком!

– Качать рудком!

Около самых дверей сбились, зашарашились и над головами толпы взлетели лохмотья Качуры, в которых не было видно самого Качуры, и казалось, что взлетело кверху огородное пугало, а не человек.

На рокот и взрывы людской радости ревом отзывались темные хребты. И будто не здесь, а там, в лесных ветвях, плескались и прятались звуки людских голосов.

Яхонтов вышел из подвала последним и, отряхивая с дохи насевшую плесень, улыбался, показывая белые ровные зубы.

– Там еще оказались телефонные аппараты и провода! – сказал он подошедшему Василию.

– Обтянем тайгу веревочками... Это тебе не верховой нарочный, и никакие распутья не причинят нам бессонницы!

– Сегодня же приготовь лошадей на Баяхту, – сказал Василий Залетову, останавливая его за руку.

Секретарь взял под козырек и, повернувшись по-военному, махнул стоявшему рядом Лямке:

– Слышишь, кубышка, готовься.

Лямка, придерживая трубку, сердито и презрительно выругался.

– Да не ломайся ты, попугай!.. Трепло! Без тебя знают дело, гумажная ты моль!

– Верно, Лямка! Не падай духом, – гремели голоса.

– Ты же трудовой элемент, а это что? Чернильная душа, язви его!

– Полное право имеешь бахнуть трубкой по черепку, и суда не будет. Ведь ты же вечный дилехтурский кучер. Окунь ты красноглазый.

Лямка плюнул себе на грудь и, переваливаясь, прошел к конюшням.

...Около конторы Василий хотел взять Валентину под руку, но она, смеясь, посторонилась и пошла рядом с Яхонтовым.

Они жили и столовались теперь вместе, но, несмотря на это, Валентина редко разговаривала с Василием и даже с Яхонтовым. И оба они удивлялись тому, что она так скоро привязалась к Насте.

– Вы дичать начинаете, товарищ Сунцова, – шутил дорогой Василий. – Приедете в город – от людей бегать начнете... В наше время – монашкам не год, товарищ Сунцова, это запомните.

Говорил и сам чувствовал, что слова эти звучат не шуткой, а досадой, и все оттого, что Валентина была далекой и замкнутой.

«Да, Настя правду говорила, что эту штуком не возьмешь...»

И где-то далеко внутри зашевелилась незнакомая до сих пор ревность к Яхонтову...

Оба они интеллигенты и, наверное, в душе смеются над ним... Что он? Немного обтесавшийся рабочий. Ну, красный боец, ну, заслуженный партизан! Разве гимназистка Валентина Сунцова – дочь тунгусника и сестра хищника – поймет это? Может быть, она даже презирает его за это?.. Но почему же тогда она не уехала со своими?

«Потому что любит Яхонтова!» – подсказывало ревнивое чувство.

За обедом Василий мало разговаривал с окружающими и, не окончив его, начал собираться в контору.

– Ты чего это, парень? Иголку, что ли, проглотил? – удивлялась Настя.

Валентина строго взглядывала слегка прищуренными глазами на всех, и в этих глазах чувствовался вопрос...

– Ты мотри, парень, видно, накололся рябчик на боярку.

– Ой, эти мужчины, они хуже баб другой раз вздыхают! – шептала Настя.

Василий вышел, хлопнув дверью.

Валентина, краснея, спрятав глаза, убежала в свою комнату, а Яхонтов снова почувствовал глухой толчок в сердце. В отношения строителей непрощенно вторгались вечные человеческие чувства – зависти, подозрения и тревоги. Это лишало покоя, мешало работе.

А вечером, когда Настя накрывала на стол, Василий вошел с сияющим лицом.

– Завтра едем на Баяхту, – сказал он, сбрасывая шинель, – а вам, Настя, с товарищем Сунцовой задача – привести в православную веру наш рабочий клуб: скоро соберется съезд рабочих всех приисков. Надо смастерить постановку... Третий фронт – просвещение масс!

И оттого ли, что он пришел с улицы, или потому, что внутри у всех троих перегорели налетевшие волнения, в комнатах сразу же повеяло свежестью.

Не было на лице Валентины прежней деловой строгости, которой боялись все и перед которой утром отступил Василий.

– Вот же таежная туча – то хмурится, то гремит...

Настя женским чутьем понимала происходящее и, казалось, вперед знала исход его.

Яхонтов вышел к столу всклокоченным. К потному лбу его прилипли пряди спустившихся волос, а брови плотно сжимались.

Он подошел к умывальнику и долго полоскался над тазом.

«Сегодня же надо решить, – думал он, – так дальше продолжать нельзя».

Две подводы остановились около самых ворот. Лошади устало фыркали попеременно и встряхивались, гремя сбруей.

– Это Рувимович со своим штатом, – сказал Василий, выскакивая из-за стола.

Яхонтов и Валентина тоже поднялись с мест и подошли к окнам.

– Вы тоже едете на Баяхту, Борис Николаевич? – спросила Валентина, не глядя на него.

– Думаю, – ответил он, слегка повертывая свое лицо.

– А надолго?

– Пока дорога держится, вероятно.

– И товарищ Медведев едет на такое же время?

– Не знаю... По-моему, ему нечего там делать долго.

Валентина отвернулась от него и с сожалением в голоса сказала:

– Опять здесь скучища будет!

– Ну, без меня-то скучать не станете, – усмехнулся Яхонтов.

Валентина повернулась к нему и строго спросила:

– Что это значит, Борис Николаевич? Что это значит – «без меня?»

В комнату вошли приезжие. Это был действительно Рувимович, а с ним два техника и женщина.

– Познакомьтесь, товарищи, – сказал Василий. – Это член губкома, наш недолгий гость, это товарищ фельдшерица, помощница смерти, а это техники.

Фельдшерица, низкая и полная женщина средних лет, улыбалась, как давнишняя знакомая, показывая два золотых зуба.

– Ну и провалище у вас тут, господа! – заговорила она низким, почти мужским голосом. – Тоска зеленая!

Голос ее немного хрипел, а круглые глаза беспокойно бегали по сторонам.

– А вы машинистка, если не ошибаюсь? – обратилась она к Валентине и, не дожидаясь ответа, подошла к ней. – Ну вот и хорошо... Будем подвизаться вместе... Меня зовут Зоей, а фамилия моя Лоскутова...

Валентина почувствовала в этой женщине принужденную, нарочитую развязность, но подала ей руку и, улыбнувшись, ответила:

– Меня зовут Валентина Ивановна Сунцова, но я не машинистка пока...

Мужчины, определив с первого взгляда фельдшерицу, загадочно и чуть заметно перемигивались, а Настя брезгливо кривила губы и, скосив глаза, смотрела то на плотно затянутые в юбку бедра фельдшерицы, то на сожженные, точно измятые, косички на висках.

«Ну, стреляная птица!» – будто говорил ее взгляд.

Василий хлопнул Настю по плечу.

– А ну-ка, сваргань гостям поесть... Вот выпить-то с дороги у нас... того...

– Не беспокойтесь, у нас еще запасы остались, – сказала Зоя, оглядываясь на Рувимовича, и поспешно начала развязывать свои чемоданы.

И когда Настя накрыла на стол, фельдшерица уже ставила на него бутылку с винами, мензурки аптечные и свои дорожные закуски.

– Если нужно покрепче, господа, то и такое найдется!

Мужчины вопросительно переглядывались и, улыбаясь, молчали.

– Слово за товарищем Рувимовичем! – хитро подмигнул Василий Лоскутовой.

– Ах, вы стесняетесь?! – догадалась она. – Ну, господа, я думаю, это напрасно! Ведь все же здесь свои. Я несу... Товарищ Рувимович, вы не возражаете? Да?

Рувимович закатывал под лоб свои голубые глаза и, улыбаясь, пощипывал острую черную бородку.

– Действуйте, товарищ Лоскутова, только господами не называйте, – смеялся он, показывая желтые зубы.

– А вы опять за свое?.. Вот, представьте, всю дорогу он мне замечания делает, а я привыкла, знаете. Ну что мне делать с этой скверной привычкой? И что тут особенного?.. Ну, садитесь, все-все ознаменуем, так сказать, наше знакомство...

– А я вас где-то встречала, кажется, – вдруг обратилась она к Яхонтову. – Вы чем здесь занимаетесь?

– Это наш директор, глава Удерской системы, можно сказать! – ответил ей Василий, расставляя стулья.

– Директор? – удивилась Лоскутова. – Ну почему же вы раньше не познакомили? А ведь я думала – вы здесь директор, – кивнула она головой на Василия.

– Это почему же вы думали? – смеялся Василий.

– Да так, знаете... Ну, хотя бы по внешнему виду, по осанке...

Ну наконец по вашей шевелюре! А кто же вы?

– Предисполкома, – поспешно ответил Рувимович.

Лоскутова скривила лицо и значительно подмигнула Василию.

– Ну, за что мы выпьем?

Она подняла кверху мензурку и чокнулась с Василием, прищурив слегка глаза.

Фельдшерица беспрестанно говорила, смеялась, подливала спирт мужчинам и приневолила Валентину выпить две рюмки подкрашенного.

Компания становилась разговорчивее, лица краснели.

Даже Рувимович кривил рот и закатывал глаза.

Настя покачивала головой и, не зная чему, смеялась до слез и грозила пальцем Валентине.

– Ах! – вскрикнула Лоскутова. – Танцевать, танцевать, танцевать, господа! – Она топала ногами и дергала голым плечом.

И только когда засерел утренний свет в окнах, все почувствовали внезапную усталость, Настя стелила постели.

– Спокойной ночи! – сказал Яхонтов, приподнимаясь со стула, – Скоро подъедут подводы, товарищ Медведев, – обратился он к Василию, – но я думаю, что тебе ехать на Баяхту не придется, раз так вышло...

– Да, товарищ Медведев мне нужен, – сказал дремавший Рувимович, – а вы, как директор, знайте свои дела.

Яхонтов пригласил техников в свою комнату, а Валентина отвела к себе Лоскутову и вышла умыться. У нее теперь сильно кружилась голова, и тошнота подступала к горлу.

На кухню слабо проникал свет из той комнаты, где еще недавно сидела и разговаривала публика, но, приподняв голову от таза, Валентина разглядела большую тень на стене и задрожала. Да, это был он... Василий сзади подошел к ней и положил обе руки на плечи.

В первую минуту ей хотелось оттолкнуть его, взглянуть, как прежде, строго в его глаза, но ни того, ни другого она не сделала и, не помня себя, замерла. Но в то же мгновение позади послышался шорох... И когда они оглянулись, в дверях с растрепанной прической стояла Лоскутова и, улыбаясь, показывала свои золотые зубы.

– Я помешала, господа? Я извиняюсь, господа! – заговорила она нарочно громко.

Валентина молча бросилась в свою комнату. В дверях она наткнулась на Настю и чуть не сшибла ее с ног.

– Вот те на! – засмеялась Настя. – Видно, здорово шлея под хвост попала...

За тонкой стеной слышались шаги и даже частое дыхание Яхонтова. И тут же, рядом, один из техников протяжно свистел носом.

«Что я сделала?» – думала Валентина, бросаясь в постель.

Она зарылась с головой под одеяло, желая не слышать разговора Василия с Лоскутовой на кухне...

Лоскутова долго не возвращалась. С кухни доносился ее задыхающийся полусшепот и смех, а затем она вошла в комнату и так же тихо зашипела над головой Валентины.

– Вы спите? Что это?... Вы плачете?! Это о чем? Странно!..

Что это, ревность? Или он вас насильно?..

Валентина отвернулась лицом в подушку и намеренно молчала. Но она до боли в сердце чувствовала, что Яхонтов тут же, за стенкой, слышит и знает все... Что он подумает?

В комнату вошла Настя и, повозившись недолго, улеглась на свою кровать, потягиваясь и зевая.

Но Валентина не могла заснуть. Тошнотная боль подступала к горлу и давила грудь. Она лежала с открытыми глазами и беспрестанно облизывала языком сухие губы.

В соседних комнатах раздавался дружный храп и беспокойные шаги Яхонтова – он собирался в дорогу.

Вскоре под окнами послышался звон колокольцев. Полозья саней с визгом скрипели по шершавой, замерзшей корке снега. Лошади громко фыркали.

Валентина слышала, как одевался и выходил Яхонтов. Сначала ей хотелось выбежать за ним на крыльцо и сказать ему что-то, но что – она и сама не знала. И она подошла только к окну и прижалась лицом к холодному стеклу.

На дворе уже рассветало. Лошади беспокойно топтались около ворот. Яхонтов, расправляя сено в кошевке и не отрывая глаз, смотрел на окна, а увидев Валентину, дернул головой и, не оглядываясь больше, утонул в кошевке.

Лошади тронули...

17

Позднее всех проснулась Валентина. Голова тяжелела, стучало в висках. Мир окрашивался в желтое, зеленое, черное. Мешала смотреть заслонявшая глаза влага. В ушах звон, тошнота все выше подступала к горлу. Фельдшерица охорашивалась перед зеркалом, что-то напевая. На полные оголенные плечи падали светлые кудряшки сожженных завивкой волос. Вся она показалась Валентине захватанной, подержанной, как карты в руках пьяных игроков. На кухне Настя протирала дресвой некрашеный пол, липко шлепали в мокро ее крепкие ноги.

Валентина умылась и надела эвенкскую парку.

– Обождите, пойдем вместе, – окликнула Лоскутова. – Попудритесь, на вас лица нет.

– Спасибо.

Настя проводила Валентину на крыльцо, обнажив сверкнувшие зубы, шепнула:

– Ну и вывезли птаху... Не марайся с шлюхой...

Послышались шаги. Закусив губу, Настя вприпрыжку побежала обратно, оставляя на припорошенных плахах следы босой широкой ступни.

– Ну вот и я... Где тут больница? Посмотрим вместе, веселее будет. – Фельдшерица взяла Валентину под руку, прищурившись, глянула на провалившийся между горами прииск.

– Боже, какая глушица! А мне говорили... Как вы живете в такой яме? – поправила белую горностаевую шапочку, оступилась с тропы и рассмеялась. – Знаете, какой смешной этот техник. Надулся вчера, как пузырь. – И, не глядя на Валентину: – Скажите, почему вы не поженитесь с Медведевым? Я, конечно, понимаю вас. Но сестра за брата не ответчица. Мой муж тоже где-то за границей пропадает. Не могу же я надеть монастырскую скуфью. Глупость. У нас в городе – жизнь колесом. Щепетильные дамы и барышни нашего общества сначала стонились советчиков, а теперь многие повыходили замуж за них. И хорошо сделали... Жизнь одна, и молодость два раза не дается. Подумаешь, много радости жить какой-то принципиальностью и нищенствовать, как одна моя подруга.

Валентина молчала. Фельдшерица производила еще более, чем вчера, отталкивающее впечатление...

Лоскутова, переваливаясь и часто дыша, рассказывала:

– Город начинает жить по-старому... Осеклись товарищи со своим коммунизмом... Открылся базар, трактиры. В магазинах что угодно. В церквях не успевают венчать свадьбы... Я безумно люблю обряд венчания... Цветы, шафера. Когда мы с мужем венчались, так пел архиерейский хор.

– Зачем же вы приехали сюда? – скупой улыбнулась Валентина.

Фельдшерица закусила кончик мизинца и прищурила глаза:

– У меня другое дело... Понимаете, я по секрету только вам скажу... Тут такая история... За мной ухаживал один нэпман, старик. В общем, надоел он мне... К тому же я давно мечтала приобрести меховую одежду.

Спустились в падь, к поселку. Валентина направилась к стоявшему на отшибе пустующему барaku, вокруг которого бегали, утопая в снегу, ребята.

– А вы меня должны познакомить с братом, – крикнула Лоскутова и пошла, поигрывая плечами и бедрами.

Ободняло. Под ногами совсем не скрипел отмякший снег. Певуче и глуше шумели на хребтах сосны и кедры. На тропы слетали красногрудые снегири за поживой. Где-то жгли ольшаник. Неприятный дурманящий запах разносило по прииску.

Валентина зашла в барак. Там было холодно и грязно. В углу лежал дохлый щенок, пол усыпан землей, соломой и клочьями бумаги. Длинный артельный стол бочился, будто ему перешибли ноги.

Ребята толпой последовали за Валентиной, и бойкий малыш, остановившись в дверях, подсморгнул и баском спросил:

– Учить нас будешь?

– Буду. Давайте убирать помещение. Тащите метлы.

Ребята вперегонки пустились к лесу. Вернулись с полными охапками пихтовых веток. Началась уборка. Дохлого щенка вытащили за хвост и зарыли в снег. Кто-то быстро соорудил из прутьев крест. Детвора смеялась громко и задорно.

В бараке густо висла копоть. Догадливые девочки принесли из дому теплой воды и начали мыть окна. Занявшись делом, Валентина забыла брезгливость к фельдшерице, вчерашний случай с Василием. Глядя на оборвышей, вспомнила свои ученические годы. Они не были похожи на жизнь этих загрубелых ребят. Но чувства их были понятны. Ребята работали серьезно, наперебой бросались кучей, когда посылали одного. Они готовились к учению так же, как готовилась когда-то маленькая Валя.

Будущая учительница остановила востроглазую полнощекую девочку и, подняв полушалок, погладила ее светловолосую головку.

– Тебя как зовут? – мягко спросила она.

– Машкой, – бойко ответила девочка.

– А фамилия?

Будущая ученица закрутила головой, смутилась.

– Я не знаю... Тятку зовут Ушканом... Ну и я Ушканова.

Ребята улыбались, горели глазенки, открывались белозубые рты. Валентину провожали шумно, до самых дверей конторы, забегая вперед, спрашивали:

– А когда начнем?

– Книжки-то будут?

– Не знаю, ребята... Надо отоплить барак и скамьи поделать.

– О, дров мы сами нарубим.

– Только коней пусть Василий даст.

Валентина осмотрела ребят. Напоминание о Василии вернуло ее к вчерашнему. В памяти встали рядом Василий и техник Яхонтов. В борьбу вступало сердце с рассудком. Чувствовала, что не хватит сил уйти от себя, от неосмысленного нового, что влекло ее к грубоватому, напористому парню.

Она прошла к своему столу и открыла толстую продуктовую книгу. Подошел причесанный уса́тый Качура. В свежей рубаше и плисовых шароварах старик выглядел моложе.

– Чего-то замешкалась, Ивановна, – начал он. – А у нас остановка выходит. Вот гляди, что мы отправили на Алексеевский. – Старик положил лист серой бумаги, исписанный знакомыми Валентине каракулями.

– Сделаем сегодня же, – ответила она. – А я, Иван Евстафьевич, смотрела помещение под школу. Грязь там немного почистили. Ребятишки рвутся к учебе – удержу нет. Как бы поскорее нам мебель дали.

– Дадим, дочка... Ты с Василием обсуди. Он живо это спроворит. Как же, учить мелюзгу обязательно. Это – первое дело. По себе вижу... Негодный я человек оказываюсь без грамоты.

Валентина благодарно посмотрела в изношенное, доброе лицо своего начальника и улыбнулась.

– У вас, Иван Евстафьевич, ума много...

– Какой там... Память, как решето, все сквозь сыплется...

Это смолоду я не бросовый был человек...

Секретарь Залетов расчесал усы и, дважды кашлянув, заметил:

– Обожди, откроется школа – посадим тебя в первый класс, рядом с моим Афонькой...

Потешно будет – кто кого перегонит...

– Во-во, – рассмеялся Качура.

– А что же... Вечерами можно и со взрослыми заниматься, – серьезно сказала Валентина.

– Куда там, – отмахнулся Качура. – Скоро на тот свет. Там, поди, принимают и неграмотных, в ад-то.

Василий и Рувимович вернулись из мастерских к концу занятий.

Валентина глянула и быстро опустила глаза. Но она заметила здоровый румянец на мужественном грубоватом лице Василия и блеск его жадных пронизывающих глаз.

Через минуту послышался из-за перегородки его громкий голос:

– Товарищ Сунцова!

Валентина вздрогнула, уронила карандаш и приглушенно ответила:

– Иду.

Василий не подставил ей стула, даже не указал на стоявшее рядом полуискалеченное кресло. Лицо его то улыбалось, то принимало строгое выражение. Валентина искала на нем хоть капельку стыдливости за вчерашнее. В гимназии ей случалось целоваться с мальчишками, после чего юные любовники краснели и бледнели больше девиц. «А этот или бесстыжий, или избалован и развращен», – подумала она. Рувимович ушел беседовать с Качурой. Оставшись вдвоем с Василием, Валентина ждала, что он переведет разговор на интимное, по крайней мере постарается объяснить вчерашний поступок. Но этого не произошло.

– Надо обязательно устроить спектакль для уполномоченных, – говорил он, почесывая в буйно разросшихся волосах. – Да завернуть так, чтобы самим было хорошо и родителям не плохо. Собери подходящих артистов, – он внезапно перешел на ты. – Ну, сама понимаешь больше... Если заломаются, стукни мне обязательно. Нам некогда дремать. Пьески у меня где-то есть... Вечером раскопаю. Если понадобится, сам возьму какую-нибудь роль. Еще как сыграем...

Валентина стояла, как приговоренная, едва понимая сказанное.

В голосе и в манерах Василия сегодня видела даже больше враждебного, чем в первый день их встречи на базаре. Деловой и грубоватый тон, это бесцеремонное почесывание в голове просто оскорбляли. И она проклинала свое безволие. Нужно было оттолкнуть его вчера... Нужно бы дать почувствовать, что она не Лоскутова, не из этого сорта женщин.

И хотелось крикнуть в это раскрасневшееся самодовольное лицо. Но глаза Василия расширились, опять сверкнули ожигающим блеском, он порывисто взял ее руку и сильно сжал.

– Пойдемте смотреть вашу школу, – повеселев, сказал он.

Залетов запирает шкаф. Он завил вверх усы и спрятал лукавую улыбочку.

– Товарищ Медведев, с Баяхты донесеньице, – крикнул он.

– Шахты топят, – не оглянулся Василий. – Проследи, чтобы сегодня отправили туда насосы. Воду откачивать надо...

Медведев несколько раз останавливался, чтобы поговорить с встречаемыми рабочими и служащими прииска, забывая, что Валентина ждет его.

«Нет, ему не понять тонкостей женского сердца», – говорила себе Валентина.

В то же время она не могла не оценить его предприимчивости, какого-то грубого, но верного чутья в работе, упорства.

Валентина много слышала об извращенной «свободной любви». Галина говорила, что большевики признают только половую, животную связь. Но разве можно было положиться на невестку и Евграфа? Во всяком случае, Яхонтов отрицал эту клевету, считал любовь союзом равного с равным, как нечто возвышенное над церковными, часто невольными браками.

Валентина не могла понять Медведева. Он для нее был слишком новым, необыкновенным. И, может быть, эта особенность волновала ее, насидевшуюся в тайге, вызывала противоречивые в ней суждения, привязывала и отталкивала. В этом переплете мыслей и чувств зрело что-то непонятное для самой себя, оно говорило: «А ну, попробуй для шалости увлечь его.

Попробуй открыть ему глаза на Лоскутову, на низость ее поведения, на дешевку ее натуры. Попробуй довести этого диковатого парня до настоящих взглядов и затем посмейся над ним».

– Нет, не то, – вслух прошептала Валентина.

– Что ты сказала? – повернулся к ней Медведев, выходя из дверей пустого барака.

– Я оказала... Не помню что, – вспыхнула Валентина.

– Заскок в мозгу, – Василий рассмеялся ей в лицо и, сдвинув шапку на затылок, продолжал:

– Через недельку мы поправим здесь печи и припасем дров. Бумаги на тетради можно будет достать в конторе. Сама там не зевай. Урви у Залетова, понимаешь. А спектакль готовьте галопам. Эту фельдшерицу тяните за обе косы, она мясистая, выдюжит.

Валентина шагала, опустив голову, не слушала его.

Не заходя на крыльцо, Василий остановился и полушепотом сказал:

– А с братом порвите... К черту... Совсем... Он потонет, а тебе надо жить и хорошо работать.

К обеду Валентина не вышла, сославшись на головную боль. Василий обеспокоился больше всех и бесцеремонно заставил Лоскутову рыться в нераскупоренных медикаментах. Он сам приготовил компресс и не скоро ушел на производственное совещание драгеров.

В доме осталась только Настя. Нежно обласкав Валентину, она уговорила ее поесть и сокрушенно сказала:

– Ох, и не знаю, как вас помирить. То он дурит, то тебя ломает.

Валентина молча смотрела в окно на оттаивающие леса. Близилась половодная, стремительная северная весна. С последним ледовитым дыханием зимы уходил дремотный мучительный покой.

18

Собрание уполномоченных приисков было назначено через неделю после отъезда Яхонтова.

Вместо Боровского ревкома был создан районный исполком.

Уполномоченные съезжались еще за день-два до собрания и без дела болтались в конторе, клубе и по мастерским, мешая работать.

Валентина целые дни проводила в конторе, помогая Качуре и Насте, которая теперь была выделена женоргом. Вечера проходили в клубе, шли репетиции.

В постановке принимали участие Василий, Лоскутова, два приезжих техника и Настя с Валентиной. Женщины, ребяташки и молодежь с любопытством облепляли окна клуба. Смех, визг и остроты слышались с самых сумерек и далеко за полночь, а в разбитые окна то и дело летели комья мягкого снега.

Валентина играла молодую девушку, героиню гражданской войны, готовилась к пению и в то же время режиссировала всю постановку.

Лоскутова часто мучила Валентину пустыми, казалось ей, разговорами.

– Представьте, Валентина Ивановна, этот михрютка, Медведев, сжал мне руку до синяков! Ух, и силища! Мне кажется, он очень сильный как мужчина... Как вы думаете?

И она хитро заглядывала в лицо Валентины своими круглыми глазами.

– Вчера он предложил мне знаете что? Осмотреть его... Представьте, какая интересная штука!

– Ну и что же? – медленно краснея, спрашивала Валентина.

Лоскутова делано смеялась, пытаясь придать лицу жизненность и веселость.

– Как это?... Разве вы не понимаете, с какой это целью делается, то есть просит он? Не знаете?... Какая вы скрытная... Будет вам невинность корчить... В наше время это не годится...

– Ничего не понимаю, – говорила каждый раз Валентина и отходила от нее.

– Не понимаете? – крикнула один раз Лоскутова. – А чем же вы объясните ваш поступок?

– Какой поступок? – удивилась Валентина.

Лоскутова погрозила ей пальцем и цинично расхохоталась:

– Подумаешь, какая девичья память! А что значили ваши поцелуи на кухне?

Валентина покраснела и с искаженным от злобы лицом шагнула к ней.

– Если вы еще раз намекнете мне на вашу же собственную подлость, то...

Лоскутова сразу сделалась маленькой, как будто ее ударили чем-то тяжелым, а Валентина безглаголиво скривила губы и отошла.

На сцене фельдшерица играла любовницу, а Василий – любовника-офицера. Валентине казалось, что они обнимались и целовались во время репетиций не искусственно, и, затаив глухую тревогу, она безглаголиво отворачивалась.

Вечер устраивался накануне съезда. К сумеркам Валентина с Настей окончательно закончили установку сцены и украшение клуба. На стенах были прибиты вензеля из пихты. Зал также был обвешан и уставлен елками и пихтовыми ветвями. Яркий свет стремительно падал на хорошенькую сцену, делая ее еще более привлекательной. Настя радовалась, как девочка, и смеялась:

– Мотри-ка, девка, как игрушечка! Я только один раз видела представление. Ведь я здесь выросла и никуда не выезжала... Ах, а какая же вы мастерица, Валя!

Делегатский съезд в это время заседал в конторе. За стеной был слышен голос Василия – голосовали за кандидатов в президиум съезда.

– Кто за?

– Против нет?

– Оглашаю результаты...

После этого послышался скрип скамей, тяжелый топот ног и разговор.

– Кончилось... Идут, – сказала Валентина Насте, – собирай артистов!

И не успела еще сделать что-то важное, как в дверях подвалила гудящая толпа. Впереди шел Василий с Рувимовичем, после – делегаты съезда, а за ними в давке и криках шли женщины, ребятишки, рабочие и молодежь.

Места были заняты в несколько минут. Взрослые сгоняли молодняк, бабы ссорились между собой, придавленные ребятишки кричали благим матом.

Кто-то внес предложение удалить женщин, пришедших с детишками. Собравшиеся дружным ревом поддержали его. Бабье руганью покидали захваченные места и протискивались к дверям обратно.

Когда публика разместилась, за сценою подали звонок, и шум начал понемногу стихать.

На сцене появился Василий. Его голова чуть-чуть не доставала до лампочек.

– Вишь ты, чертоидол, как вымахал! – крикнул кто-то сзади.

– Смотри, потолок поднимешь, сохатый!

– Да заткнись ты, брехло лесное, а то выведем!

– Духу не хватит вывети-то!

Василий переждал, пока шум окончательно стих, и начал говорить...

Он говорил, как всегда, громко и недолго, встряхивая тяжелыми волосами.

– И вот здесь, на развалинах и из развалин, мы скоро начнем выжимать золотой фонд... Мы сделали крутой перевал. А вы помните, как страшно было стоять на самой вершине?... Месяц тому назад здесь был тунгусник с крепким запахом проклятого самогона, теперь – вот рабочий клуб с электрическим светом и насчет брюха спокойно...

Валентина не слышала последних слов Василия. Прижавшись к косяку окна, она усиленно натягивала на уши свою пыжиковую шапочку и крепко сжимала зубы.

В зале захлопали, закричали, и снова послышался глухой шум.

– Ну, надо начинать, – сказал мимо прошедший Василий, – видите, мы вас авансом похвалили... Жарьте, товарищ Сунцова!

Он сбросил кожаную тужурку и надел шинель.

Лоскутова, уткнувшись в маленькое карманное зеркало, растирала какой-то мазью лицо и хихикала.

– Видать, «не без греха кукушка хвалит петуха»... Режиссер, очухайтесь! Что с вами – столбняк? Это безобразие, ваш первый выход!

Валентина взглянула на нее непонимающими глазами и, спохватившись, быстро начала одеваться.

«Нет, он любит меня, – думала, давая первый звонок. – Но зачем же тогда он связывается с этой женщиной?»

– Ну, давай второй! – крикнул Василий, звеня шпорами.

– Да мы сегодня обязательно провалим! – вставила Лоскутова, нарочно придавая негодующий тон своему голосу, и пошла на сцену, улыбаясь Василию.

Валентина видела, как Василий оглядывал фельдшерицу с ног до головы смеющимися глазами, но не понимала – насмешка это или восхищение.

Фельдшерица была одета в голубое тонкое платье без рукавов и с глубоким декольте.

Как только поднялся занавес, зал задрожал от хохота.

В задних рядах не прекращались смешки:

– Ого-го!

– Вот это – баба!

– Ох, и мягкая!.. И зубы золотые...

– Мотри, мотри, как репа, белая, у, язви ее. Знамо, офицерская!..

– А он-то! Он-то!

– Вишь, норку кверху дерет, как жеребец.

– У-у! Сволочи, какие гладкие.

– Гляди, руку лижет, ах, шпана!

– Ого-го!

– Да тише вы, лешаки, а то выведут!

– Ой, ой! Ты что щиплешься, филин большеголовый?

И когда Василий поцеловал Лоскутову, взвился оглушительный хохот и выкрики:

– Ну и ну! И принародно не стыдятся?!

Во втором действии вышла Валентина в красной повязке и Настя в роли старухи. Обе они боялись. Но смеха уже не было, а доносились серьезные удивленные голоса:

– Ого! Это ему не та, золотозубая шлюха...

– Мотри, как режет: глаза-то, как ножи!

– Вон как пыряет она этого золотопогонника...

– Вот так, дай ему по хлебалке, чтобы со смеху закатился!

И когда Валентина ударила офицера по щеке, зал одобрительно ухнул.

– Вот это так!

– Дай и той, чтобы не обидно было!

– Не подарок им – рабочая девка!..

Пьеса была окончена под гром рукоплесканий и одобрительные крики толпы.

Наконец вышла Валентина и Лоскутова – обе переодетые, – и начался концерт.

Зал притих. В промежутках между замирающими звуками было слышно, как падали с потолка капли воды.

Бабы, разинув рты, с блаженными глазами, сидели неподвижно, а мужчины и ребяташки вытянули вперед головы.

– Черт возьми! – шепнул Василию один из техников за кулисами. – Я за последнее время в нашем городе не слыхал такого голоса... И школа у нее замечательная!

Василий нехотя улыбнулся ему.

– Да, это клад для наших приисков, – сказал он серьезно.

В это время Валентина кончила первый номер и со счастливым лицом соскочила со сцены за кулисы. Техник крепко потряс ей руку, а Василий громко хлопал в ладоши.

Затем ее снова вызывали, и каждый раз зрители топали, кричали, свистели.

В давке и криках ничего нельзя было понять. Но Валентина ясно улавливала отдельные слова:

– Вот это поет!

– И скажи, как глотка не лопнет?... А молодец деваха, ей-бо!..

– Прямо завеселила, холера!..

Ее окружили плотным кольцом. Вразнобой закидывали вопросами и жали руку.

Настя собирала со сцены домашние вещи и, завязывая их в узлы, ругала Лоскутову:

– Вот-то финтифлюшка мокрохвостая!.. Мальчиков нашла... Собирай тут ее барахло до полночи!

Из клуба они вышли последними. Закрывая дверь, Валентина искала глазами Василия. Ей хотелось остаться с ним вдвоем, хотелось поговорить. Но его нигде не было.

По прииску несся говор. С гор колыхала волна теплого воздуха, насыщенного смолистым ароматом. Прямо перед прииском стояла огромная полная луна. Пригретый снег отливала сталью и, уминаясь, оседал под ногами.

Подтаявшая дорога черной бороздой вела от клуба в гору. Настя шла не торопясь и задерживала Валентину разговорами.

– Нет, вы посмотрите, какая она сволота. Она, поверьте, окрутит его на себе. Ваську дурь мужицкая бесит... А душой он к тебе ближе, завтра же, пес кудлатый, в ногах валяться будет.

Слова Насти Валентина восприняла, как свои собственные мысли. Увлекая за собой спутницу, она быстро поднималась в гору, к своей квартире.

Не заметив, что все двери в сенях и комнатах были открыты (видимо, потому, что их забыли запереть), Валентина быстро, но неслышно прошла до своей комнаты и, рассчитывая застать там одну Лоскутову, открыла ее без предупреждения.

Сначала она, ничего не подозревая, хотела пройти вглубь, но, услышав шорох, остановилась в недоумении.

И вдруг вся комната, с мифологическими картинами и заливающим окна лунным светом, поплыла к хребтам, к голубому бездонному небу... Она смутно, как во сне, слышала заглушенный хохот Лоскутовой и видела, как мимо нее, задыхаясь, прошел Василий со сбитыми на лоб волосами.

И когда вышла, шатаясь, на крыльцо и дальше, в полосу лунного сияния, то все еще чувствовала истомную зыбь под ногами. Небо и горы мелькали перед нею, как в огромном водовороте, и сама она, охваченная этим водоворотом, шла, не чувствуя ничего, кроме своей боли.

Перед спуском в крутой и глубокий разрез ее догнала Настя со словами:

– Да ты что это, девка, облещачила?! Ты куда же это? А? Говорила я тебе!.. Эх, да плюнь на все! Я сразу раскусила эту потаскуху, а ты, точно помраченная, ничего не видела. Нет, девка, надо насквозь видеть людей... Вон Борис Николаевич, он, хотя и образованный, но не балует, а Васька скопытился! Да наплюнь ты на все, найдутся и на тебя люди, еще получше... На такую-то красавицу – ух ты! Ты изнеженная, и оттого приняла близко к сердцу. Так нельзя, девушка, сгоришь за понюх табаку. Стисни зубы, а не подавай виду другим... и все перенесешь!

Луна до половины утонула за гребнем хребтов. Тайга, как замороженная, молчала и нежилась в объятиях наступающей весны.

Слова Насти понемногу возвращали Валентину к действительности, но она еще чувствовала зыбь под ногами.

В комнатах было тихо и темно. Валентина притянула за руку Настю к себе и шепнула:

– Не уходи от меня.

Эту ночь они спали на одной постели.

19

Весна подкрадывалась, как незаметный охотник, и внезапно вспугивала северную долгую сонь. Леса по ночам тихо шумели мягкими оттаявшими ветвями. В воздухе носились пьянящие ароматы. Над хребтами, точно серые стада, кочевали туманы. Горная Пинчуга пенилась, выбрасывая мутные волны на примерзшие к берегу льдины. Осевшие снега лежали под синеватой дымкой. Куры азартно разрывали оттаявший под навесами навоз и горланили вместе с подснежными ручьями.

На Баяхте шла непрерывная работа в две смены. Недавние бури прошумели и улеглись.

Вихлястый еще до приезда Яхонтова отрядил сотню шахтеров, которые разбивались на мелкие артели, подвозили лес, правили его, строили амбары для хлеба и шахтенные копры.

В субботу перед обедом постройка была уже близка к концу.

От людей и лошадей валил теплый нежный пар. Измученные лошади дремали даже за кормом.

Присаживаясь у костра, рабочие накидывали на плечи рваные азямы и в ожидании обеда тянули трубки.

Лямка (теперь он по наряду Яхонтова исполнял должность кашевара) медлил.

– Давай, давай, горячее сыро не живет, – торопили плотники.

Лямка хитро улыбался.

– Не горячись, а то пронесет...

– Да мы все языки сжевали, летяга ты лохматая.

– Не поддевай, не дешевле тебя! – огрызнулся Лямка.

Он не торопясь устанавливал ведерные котлы посередине круга и ворчал:

– Народ тоже пошел! Безкишопные! Не дождутся хозяина.

Молодой парень со шрамом на щеке выругался и плюнул.

– Холуй был, холуем я остался!.. Хозяин!.. Нет теперь хозяев, кикимора ты старая!

– Ну, дирехтур! Какая, подумаешь, разница! Перо одинаково вставить может.

Из-за деревьев и снежного надува, отливавшего серебряной россыпью, показалась голова пегой лошади, приветливо брякнул колоколец.

– Ну, вот видите! – крикнул, вскакивая, Лямка. – Как раз к делу.

Плотники положили ложки. В толпе кто-то крикнул и гаркнул «ура», другие подхватили. Рабочие густым тыном поднялись на ноги.

Обоз с хлебом подходил неслышно, снег не хрустел.

Яхонтов с Вихлястым вышли из кошевки и приблизились к кострам.

– Обедать с нами, милости просим!

– Ждали-ждали, всежданое было поели.

– Кончили тика в тика. Дело за хозяевами, – сказал старший, жуя заросшим ртом.

– А, привез, привез, – усмехнулся Яхонтов.

– Да как же, уговор дороже денег!

И как только сказал, снова криками заухала тайга.

Вихлястый, натяжно переступая, нес два ящика, из которых стройными рядами торчали коричневые головки бутылок.

– Пять лет не пивали такого причастия! – крикнул парень со шрамом на щеке. Он выхватил на ходу бутылку и со всего плеча ударил доньшком о ладонь.

Пробка со свистом пролетела над головами рабочих.

– Брось!.. Вот хамина, дорвался, сволочь! – кричали сзади.

Яхонтова ухватили под руку и усадили в круг. Дела веселили и без водки, но он выпил поднесенную чашку.

Вихлястый раздавал бутылки и бабьим голосом окрикивал рабочих:
– Не наваливай! Не наваливай! Тю, черти земляные. Ух, эта шахтерская кобылка – из
глотки рвет.

Чашка позвякивала, переходя из рук в руки.
Кто-то затащил старинную проголосную:

Полно, полно нам, ребята,
Чушо пиво пити,
Не пора ли нам, ребята,
Свое заводити.

К вечеру возчики начали ссылать хлеб в новые амбары.
На утоптанном снегу чуть дымили смолистым чадом догорающие костры. Порожние под-
воды одна за другою вытягивались в длинную нить.

К прииску нужно было сделать большой круг равниною (напрямик попасть было нельзя).
Лямка одной рукой придерживал большую трубку, а другой подбирал вожжи, осаживая
нетерпеливую пару сытых гнедых лошадей.

– Отжили бедно! Отъездили плохо! – мигнул он Вихлястому на лошадей.

По взгорьям к прииску стягивались кучками дальние лесорубы. Синеватый дым густо
висел над крышами построек.

В полуверсте от прииска дорога сворачивала на Боровое. Лямка, упершись в передок,
задерживал горячившихся лошадей.

– Не заночевать ли нам, Борис Николаевич? – сказал он, шамкая чубук трубки.

– Это почему? – удивился Яхонтов...

– Да так, сердце что-то сохнет... Ночь... Темень...

– А вот, – показал Яхонтов дула двустволки.

Вихлястый тихонько рассмеялся и, выскакивая из кошевки, крикнул:

– Пил бы меньше, старый опорок, так не сохло бы!

В пути Лямка несколько раз пытался заговорить с Яхонтовым, но, не получая ответа,
отвертывался, пыхтя трубкой.

– Измотался, – решил он и задремал.

Дорога вела в длинный Баяхтинский хребет, знаменитый своей крутизной. Лошади шли
шагом, спокойно побрякивая колокольчиками.

Но на самом крутяке они вдруг остановились.

И не успели еще подняться с кошевки Лямка и Яхонтов, как грохнули один за другим
два выстрела.

В ответ им, точно пораженные, затрещали далекие вершины скал... Яхонтов почувство-
вал ожог около локтя левой руки.

Он быстро вскочил на ноги, намереваясь защищаться.

Вблизи, за деревьями, послышался хриплый бас, напоминающий собачий лай. Кто-то
брякнул железом (видно, ружьем).

«Еще будут стрелять», – мелькнула у Яхонтова мысль, и, подстегнутый близкой опасно-
стью, он судорожно схватил лежавшую в кошевке двустволку.

Лямка хотел остановить лошадей и старчески всхлипывал.

Лошади шархнулись в сторону и увязли в снегу. Из-за ветвистой сосны прыгнули двое.
Яхонтов выскочил из кошевки и, почти не целясь, выпустил один за другим оба заряда...
Сквозь дым ничего нельзя было рассмотреть, но вслед за выстрелами послышался хриплый
стон.

Лямка в тот же миг соскочил с козел и, увязая в глубоком снегу, полез к кореннику развязывать супонь. Яхонтов судорожно толкал в гнезда ружья патроны. Он никак не мог пере-силить лихорадочную дрожь.

Левая рука с каждым мгновением ослабевала, точно ее медленно резали тупым ножом. Перед глазами замелькали, закружились темные фигуры, как пляшущие в воздухе сорванные ветром листья.

Пока Лямка выправил лошадей на дорогу, Яхонтов стоял наизготовке с ружьем. Раненый стонал по-прежнему. Видно было, как он извивался и пытался встать.

– Садись! – прошипел Лямка внушительно и строго.

Яхонтов упал в кошевку уже на ходу. Лошади с бешеным храпом пронесли их мимо валявшегося на снегу человека и только на самой вершине хребта замедлили ход. Гусевая сильно прихрамывала на заднюю ногу, но не отпускала постромок.

– Живой, товарищ дирехтур? – как-то робко и таинственно спросил Лямка.

Яхонтов приподнялся на правой руке и застонал. Левая рука ныла и мерзла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.